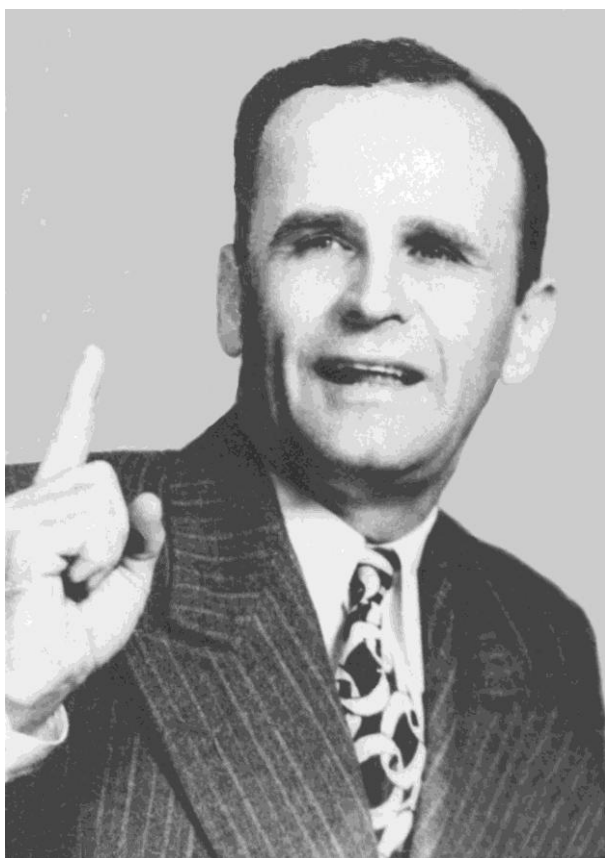

КНИГА ВТОРАЯ:
МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
И
ЕГО ОТЧАЯНИЕ

(1933 — 1946)

ч. 2

Глава 19

ОПУСКАЕТСЯ ЧЁРНЫЙ ЗАНАВЕС

1936

ЧТОБЫ КАК-ТО сбросить камень с души, Уилльям Бранхам приложил БОльшие усилия для проведения евангелизации в окрестностях Джефферсонвилла. Убеждённый в том, что история его жизни сможет вдохновить и других людей получить веру в Бога, Билл описал некоторые из своих личных переживаний и поместил их в брошюру из пятнадцати страниц⁶². Он заимствовал название этого буклета — “*Иисус Христос вчера, сегодня и вовеки Тот же*” — из Послания к Евреям 13:8 и поставил на нём следующий автограф: “*Преподобный У. (Билли) Бранхам*”.

В предисловии он написал:

Эта книга была написана для того, чтобы каждый, кто её прочтёт, узнал, что Иисус Христос всё ещё СПАСАЕТ и ИСЦЕЛЯЕТ людей.

Я верю, что скоро Он снова придёт.

Эта книга рассказывает, как Он избрал бедного мальчика и призвал его к служению, как этот мальчик некоторое время убежал от Него, а потом всем сердцем обратился к Нему.

На следующей странице была молитва Билла:

О Небесный Отец, благослови каждого, кто читает эту книгу.

Дай ему познать, что Ты собираешься вскоре создать могучую Церковь, какой мы ещё никогда не видели.

Мы по-прежнему верим в Тебя.

Дай стремление каждому сердцу, о Праведный, помоги Твоему смиренному слуге нести Послание Твоё.

Я знаю, Ты прятал меня в тростниках, как Ты прятал Моисея, для какой-то цели.

О Отец, помоги мне прославить Имя Твоё, ибо я прошу об этом во Имя Иисуса.

Аминь.

На следующих семи страницах главное место отводится описанию необычной жизни Билла: начиная с того, как он и его мать были на грани голодной смерти во время снежной бури, когда сосед подоспел им на помощь. Он рассказывает о том, как в семилетнем возрасте к нему проговорил голос из листвы дерева, сказав: “*Никогда не пей, не кури и не*

⁶² Первоначальный вариант этой брошюры состоял из 15 страниц, а затем его увеличили до 22 страниц. (Последний вариант брошюры на русском языке ещё имеется в наличии; см. раздел “Литература и источники информации”).

оскверный своего тела никаким образом. Когда повзрослеешь, для тебя будет труд”. Затем он упоминает о своей поездке в Аризону в 1927 году и повествует о том, как смерть его брата Эдварда возвратила его домой и заставила задуматься над тем, что ожидает человека после этой жизни. Билл написал об отравлении газом во время работы в компании коммунальных услуг, о последующей операции и видении о сиявшем кресте, который обратил его к Богу. Далее он описывает своё сверхъестественное исцеление от болезни желудка и ужасного астигматизма; затем рассказывает о призвании к проповедованию, и, наконец, заканчивает повествование появлением огненного шара над своей головой во время совершения крещения в реке Огайо в 1933 году.

Он завершил брошюру следующими словами:

“Дорогие читатели, если бы у меня было больше места в этой книге, я рассказал бы вам о многом, что случилось, как была построена наша скиния, и как у нас произошли многие сильные пробуждения. Люди приходили из округи и издалека, чтобы получить исцеление. Но мне хотелось бы сделать эту книжку достаточно небольшой и недорогой, чтобы любой мог приобрести её. Прочитав её, вы узнаете, что Иисус Христос всё Тот же сегодня, каким Он был вчера, и таким Он будет всегда; и что вы должны верить Ему и обрести спасение. Если сможете, в любое время приходите на наши служения пробуждения, когда услышите, что они проходят недалеко от вас”.

На двух следующих страницах описываются свидетельства людей, исцелившихся сверхъестественным образом, включая свидетельство мистера Уилльяма Мэррилла и миссис Мэри Дер Оханион, которые были первыми двумя людьми, исцелёнными согласно видению Билла, после того, как он стал Христианином.

Мистер Мэррилл написал:

“Я был в больнице в Нью-Олбани, штат Индиана, и там я услышал о Брате Бранхаме. Меня сбила машина. Почти все рёбра были переломаны. Моя спина была повреждена. Для медицины случай безнадежный.

Брат Бранхам помолился за меня, и сразу же мои рёбра встали на место, а также и спина. Доктор ничего не мог понять. Я встал, оделся, отправился домой и вышел на работу.

Слава Богу за Его Целительную Силу”.

*Уилльям Х. Мэррилл
1034 Кларк Стрит,
Нью-Олбани, Индиана*

Миссис Дер Оханион написала:

“Я была инвалидом в течение многих лет. Я была прикована болезнью к постели. Мои ноги были искривлены, и я не могла ходить.

Доктор сказал, что я никогда не смогу ходить. Я услышала о Брате Бранхаме, и как Господь отвечает на его молитвы. Поэтому я взывала к Нему. Брат Бранхам и ещё один молодой человек по имени ДеАрк пришли и помолились за меня. Мои ноги моментально исцелились. Я смогла ходить. И с тех пор я хожу. С того времени уже прошло четыре года.

Я славлю Бога за Его Чудесную Силу”.

Миссис Мэри Дер Оханион

2223 Ист Оук Стрит,

Нью-Олбани, Индиана

На четырёх последних страницах книжечки была напечатана проповедь о силе Иисуса Христа, исцеляющей в наши дни. Билл написал:

“Многие читающие Библию говорят: “Если бы я жил в библейские времена, я обратился бы к Иисусу, и Он помог бы мне”. Друзья, Он здесь сегодня, чтобы помочь вам точно так же, как в те дни. Только верьте Святому Духу, ибо Он свидетельствует об Иисусе. Пожалуйста, прямо там, где вы сейчас находитесь, верьте Ему, и Он исцелит вас”.

Члены церкви Билла раздавали экземпляры брошюры “Иисус Христос вчера, сегодня и вовеки Тот же” своим друзьям и родственникам, а те, в свою очередь, — своим знакомым и соседям. С течением времени эта простая книжечка “совершила путешествие” во многие труднодоступные места и произвела немало потрясающих чудес...

ПОЗЖЕ, ТЕМ ЛЕТОМ 1936 года, Билл собрался съездить с Хоуп в Форт-Уэйн, штат Индиана, чтобы навестить её отца. Биллу не терпелось отправиться в путь, так как, если им удалось бы прибыть туда вовремя, они могли бы пойти на вечернее субботнее служение в Скинию Редигар. Это была церковь, которую он любил посещать всякий раз, когда бывал в Форт-Уэйне.

— Хоуп, ты ведь не будешь принимать ванну перед самым отъездом, а? — сказал Билл, нервно поглядывая на свои часы.

— Это не займёт у меня много времени. Но Билл, если вечером мы пойдём в церковь, тогда мне нужна новая пара чулок. Пока я буду собираться, сможешь сходить в “Джей-Си-Пенни” и купить мне одну пару?

— Ну, если это ускорит дело.

— Да. Вот тебе 60 центов. Только убедись, что покупаешь шифоновые чулки, а не капроновые. И не забудь, что они должны быть “в стиле”. Сможешь это запомнить?

— Конечно. Шифоновые чулки, “в стиле”.

Шифоновые чулки изготавливались из чистого шёлка и казались гладкими и изысканными. Хотя они были в три раза дороже капроновых, любая женщина, желавшая выглядеть более элегантно и модно, предпочитала шифон. Капрон же, с другой стороны, чаще приходился по вкусу пожилым женщинам, которых больше интересовали экономленные

деньги и практичность, нежели внешний вид. Билл мало знал о фасонах женской одежды, поэтому ему с трудом давалось запомнить разницу между шифоном и капроном. По пути в магазин он без конца повторял про себя правильное название чулок, чтобы не забыть: “Шифон... шифон... шифон... шифон...”

— Привет, Билли! — кто-то сказал ему, проходя мимо.

— Привет! — ответил он и продолжал бубнить себе под нос: “Шифон... шифон... шифон...”

Затем он встретил Орвилла Спона, старого приятеля по рыбалке.

— Билли, ты знаешь, что сейчас на той стороне дамбы клюют окуни? Некоторые попадаются вот такой длины, — сказал Орвилл и показал руками размер рыбы.

Билл присвистнул от изумления. Несколько минут они оба обсуждали приманки и методы ловли. Когда же Билл продолжил путь, он уже не мог вспомнить, какие чулки ему поручено купить.

Что же ему теперь оставалось делать? Он постеснялся бы вернуться домой и сказать Хоуп, что забыл. К тому же, на это ушло бы слишком много времени. Вдруг он вспомнил о Тельме Форд, своей знакомой, которая работала в универсальном магазине поблизости. Она, вероятно, могла бы дать ему нужную информацию.

Как только Билл прошёл через дверь, он задержался в отделе спорттоваров, чтобы полюбоваться своей излюбленной винтовкой 22-го калибра, которая находилась на стойке для ружей. Это было великолепное ружьё, идеальное для охоты на белок. Биллу хотелось купить его уже больше года. Оно стоило 17 долларов, а он никак не мог наскрести и 3 долларов для начального взноса. Ну, что ж, может быть, когда-нибудь в будущем...

Тут подошла Тельма Форд.

— Привет, Билли. Чем могу помочь?

— Здравствуй, Тельма. Хоуп попросила меня купить ей пару носков.

— Билли, Хоуп ведь не нужны носки, — сказала Тельма, поморщившись.

— Да, они ей нужны. Она хочет их “в стиле”.

— О-о, ты имеешь в виду чулки. А какие ей нужны?

Почувствовав себя в глупом положении и не желая ещё раз блеснуть своим невежеством, Билл решил как-то выкрутиться.

— А какие у вас есть?

— Ну, у нас есть всё от капрона до...

— Капрон, вот это ей как раз и нужно. Сколько они стоят?

— 20 центов пара.

— В таком случае я беру две пары.

Билл исполнился самодовольства. Придя домой, он поддразнивал Хоуп:

— Вот вы, женщины, без конца хвалитесь своими покупательскими способностями. Едете через реку в Луисвилл и проводите там весь день, пока сторгуетесь, а я вот пошёл в самый центр Джефферсонвилла и купил две пары носков за такую же цену, за какую ты покупаешь одну. И у меня ещё осталась сдача.

— Ты купил шифон?

— Да, именно его.

“Шифон”, “капрон” — он не видел в этом никакой разницы.

Хоуп взяла кулёк и заглянула в него.

— Да, Билл, ты действительно умеешь сторговаться, — сказала она, улыбнувшись.

Они приехали в Форт-Уэйн далеко за полдень. Билл забеспокоился, когда Хоуп сказала, что ей нужно сходить в универмаг перед служением в церкви. Билл остановился, и она поспешно ушла. Несколько минут спустя она вернулась с бумажным кулёчком в руке. Хоуп не сказала Биллу, что купила, а он её об этом и не спросил, поскольку сосредоточил свои мысли на том, чтобы добраться до Скинии Редигар как можно скорее. Тогда ему и в голову не приходило, насколько быстро его невинная ошибка, сделанная в то утро, возвратится, чтобы терзать его.

ЛУЧ СОЛНЕЧНОГО СВЕТА озарил жизнь Билла, когда 27 октября 1936 года родилась его дочь. Они назвали её Шарон Роуз — видоизменённая форма Нарцисса Саронского⁶³, одного из поэтических имён Иисуса Христа. Шарон Роуз была прелестным ребёнком, и Билл любил её больше тёплого солнца в ясный осенний день. Он не знал, что рождение Шарон окажется для него последним утешительным лучиком счастья на многие годы...

“Чёрные гроззовые тучи” начали сгущаться в ноябре. Во-первых, умерла невестка Билла. Затем погиб один из его братьев: семнадцатилетний Чарльз Эдвард Бранхам младший. В один воскресный вечер Чарли остановил попутную машину, за рулём которой был пьяный мужчина, и примостился на её подножке. Машина врезалась в телеграфный столб, Чарли сорвался с подножки и сломал себе шею. Узнав эту неприятную весть от одного из своих братьев, Билли немедленно распустил собрание в церкви и примчался в больницу. Однако его брат Чарли уже был мёртв.

Смерть молодого Чарли сильно потрясла отца Билла. Чарльз Бранхам старший, с подорванным здоровьем и, по-прежнему отчаянно нуждавшийся в деньгах, начал размышлять о своей жизни: как о прошлом,

---

⁶³ Песни Песней 2:1. В английской Библии Нарцисс Саронский назван Розой Шаронской, поэтому Уилльям Бранхам назвал свою дочь Шарон Роуз. (Пер.)

так и о будущем. Однажды утром Билл увидел, что он сидел на развилке плуга и плакал.

— Что случилось, папа? — спросил Билл.

— Ты не поймёшь этого сейчас, но однажды в будущем, Билли. Я хочу ещё раз повидать свою родину. Мне сейчас 52 года, и я не был там около 25 лет. **(Фото №26)**

— Папа, если ты хочешь съездить туда, я дам тебе денег на проезд.

В последний раз в своей жизни Чарльз посетил то место, где родился, недалеко от Берксвилла, штат Кентукки. Вернувшись в Джефферсонвилл, он отправился в бар и сидел там, размышляя о том, как подорвал свою жизнь алкоголем. Один из мужчин предложил ему за свой счёт очередной стакан виски. С гнетущим чувством вины, но не в силах взять себя в руки, он принял предложение. Пока светло-коричневая жидкость наполняла его бокал, Чарльз сказал:

— Послушайте, мужики, сегодня вечером мой сын стоит там за кафедрой. Этот парень прав, а я не прав. Пусть этот стакан спиртного никогда не отразится на моём сыне.

Когда он поднёс стакан ко рту, его рука начала так сильно трястись, что большая часть виски выплеснулась ему на подбородок. Мужчины стали дразнить его. Чарльз не выдержал и зарыдал. Взяв свою шляпу, он вышел из бара.

Две недели спустя, 30 ноября 1936 года, у Чарльза Бранхама произошёл тяжёлый сердечный приступ. Билл застал его в постели ещё живым. Он обнял руками голову отца и перебирал пальцами его волосы. Эти курчавые чёрные волосы уже начали седеть на висках. Билл подумал: “Я помог этим седым волосам появиться там. Как много сердечных болей я причинил ему!” Он взглянул на руку отца: на ней не доставало одного пальца, который он потерял при несчастном случае с измельчителем в кукурузной молотилке. Билл стал размышлять о том, как этому мужчине приходилось тяжело работать, чтобы вырастить десятерых детей. Биллу было всё равно, что другие люди думали о Чарльзе Бранхаме. Этот человек был его отцом, и он любил его.

Чарльз посмотрел своему старшему сыну в глаза и прошептал:

— Билли, я ошибался.

— Папа, ещё не слишком поздно всё исправить.

И прямо там, на смертном одре своего отца, Билл привёл его к Иисусу Христу, Господу всей жизни и надежды. Почти через час Чарльз Бранхам ушёл на встречу со своим Создателем. В тот момент Билл увидел перед собой Ангела, облечённого в белую одежду. Снедаемый печалью и горем, Билл, по крайней мере, сейчас знал, что душа его отца была надёжно защищена во Христе.

СЛЕДУЮЩАЯ БЕДА случилась за неделю до Рождества, когда двое детей Билла сильно простудились. Вскоре и Хоуп уже сопела и кашляла вместе с ними. Температура на улице упала ниже нуля. Чтобы задержать сквозняки, Хоуп положила одеяла у основания двери и обложила подоконники полотенцами. Это немного помогло, но поскольку в доме было так мало изоляционного материала, кухонная плита не могла как следует обогреть две комнаты.

В 1936 году Рождество пришлось на пятницу. За день до Рождества Хоуп пошла с подругой через реку в Луисвилл, штат Кентукки, чтобы успеть купить подарки детям. Билл, как обычно, пошёл на работу. Во время обеденного перерыва он открыл сберегательный счёт для Шарон Роуз и записал 80 центов на её имя — рождественский подарок своей двухмесячной дочурке. Затем он зашёл в офис своего закадычного друга детства, Сэма Эдера, который совсем недавно вернулся из медицинской школы, чтобы начать частную деятельность в Джефферсонвилле, и оставил ему рождественский подарок.

Позже днём Билла срочно вызвали. Делая покупки в Луисвилле, Хоуп упала в обморок на улице. Теперь она лежала дома в постели и крайне нуждалась в его заботе. Билл вихрем примчался домой и нашёл Хоуп крепко закутавшейся в одеяла и неудержимо дрожавшей. Он приложил свою руку к её лбу. Хоуп вся пылала от жара.

Билл позвонил Сэму Эдеру, который немедленно приехал. Доктор Эдер поместил термометр Хоуп под язык и начал выслушивать её грудную клетку с помощью стетоскопа, хмурия брови. Затем он проверил градусник.

— О Боже, у неё температура выше 40 градусов. Билл, это очень серьёзно. У неё воспаление лёгких. Тебе придётся всю ночь давать ей апельсиновый сок. Пусть сегодня вечером она выпьет, по крайней мере, восемь литров, чтобы жар спал.

Билл всю ночь сидел у постели Хоуп, давая ей немного апельсинового сока каждые пару минут. К рождественскому утру её жар спал на несколько градусов.

Миссис Брумбах остановилась навестить свою дочь и ужаснулась при виде такой холодной и продувавшейся насквозь комнаты.

— Уильям, в этом доме нет достаточного отопления, чтобы согреть Хоуп. Я возьму её к себе домой.

— Я лучше спрошу у доктора Сэма Эдера, следует ли нам её перевозить, — сказал Билл.

— Эдер? Нечего его вообще спрашивать. У этого парня нет ни капли здравого смысла. Я вызову доктора Лоренса, чтобы он проверил её, — сказала она и ушла.

Билл позвонил доктору Эдеру, который дал ему следующий совет:

— Билл, не смей её никуда перевозить. Если ты прямо сейчас выведешь Хоуп на такой мороз, это погубит её.

— Но доктор, ведь её мать собирается сделать это в любом случае.

— Тогда я сразу же закрою это дело. Билл, ты знаешь, что я люблю тебя, как брата, но я не ответственен за состояние Хоуп при таких условиях. Я буду вынужден прекратить это лечение и передать его в руки доктора Лоренса.

— Что ж, доктор, ты ведь прекрасно знаешь мои чувства.

Мысли Билла кружились в водовороте смятения. Войдя в церковь, он встал на колени и стал молиться: “Господь, я люблю мою жену. Пожалуйста, смилуйся над ней и исцели её. Пожалуйста, Господь!”

Билл увидел перед собой опускавшийся занавес, похожий на тот, который опускают в конце театрального представления. Он открыл рот от ужаса при таком видении. Затем, когда он продолжал наблюдать разворачивавшиеся события, синевато-серые тучи заслонили солнце. Проливные дожди обрушились на сельскую местность, отчего уровень воды в реке Огайо начал резко подниматься, пока, наконец, дамбы, ограждавшие Джефферсонвилл, не оказались под водой, которая затопила низлежащие части города. Он увидел человека, снизошедшего с неба, который держал в руке линейку и начал измерять уровень воды на улице Спринг Стрит. Вода достигла глубины в 22 фута⁶⁴.

Это видение обеспокоило Билла. До сих пор каждый фрагмент будущего, увиденный им, в точности исполнялся. Он поделился видением с людьми по всему городу, надеясь, что они обратят на это внимание, сделают соответствующие приготовления, и таким образом будут спасены многие жизни. Однако те, которым Билл рассказал об этом, либо смеялись и хихикали, либо открыто гоготали. Даже некоторые из его собрания отнеслись к этому скептически. К примеру, пожилой Джим Уайзхарт сказал:

— Билли, самое ужасное наводнение у нас произошло в 1884 году, и тогда глубина воды на Спринг Стрит достигала всего лишь 15 сантиметров.

Билл повторно рассказал видение.

— Я видел, как с неба спустился человек, взял линейку, опустил её в воду на Спринг Стрит и сказал: “Двадцать два фута”.

— А, да ну, Билли, ты просто возбуждён, — насмехался Джим Уайзхарт.

— Я не возбуждён. Это ТАК ГОВОРИТ ГОСПОДЬ! И, кроме того, Тот же Бог, сказавший мне, что произойдёт наводнение, показал мне чёрный занавес, который опустился между мной и Им. Что-то отделило

---

⁶⁴ Шесть с половиной метров (Пер.)

меня от Него: Он не слышит меня, когда я молюсь за мою жену. Я беспокоюсь, что она вообще не сможет оправиться от этого.

Глава 20

БЕДСТВЕННОЕ НАВОДНЕНИЕ

1937

ХОТЯ БИЛЛИ ПОЛЬ и Шарон Роуз быстро оправились от простуды, у Хоуп воспаление лёгких никак не поддавалось лечению. Она провела весь январь в доме своей матери, беспомощно лежа в постели. Билл заботился о своих детях после работы, но днём он был вынужден оставлять их под присмотром приходящей няни. Он нанял для этого Меду Брой. Теперь Меде почти исполнилось восемнадцать. Она окончила среднюю школу в мае прошлого года и пока ещё не нашла работу на полную ставку, поэтому для неё это оказалось хорошим способом заработать немного денег и в то же время помочь своему пастору.

Во второй половине января 1937 года ураганный фронт⁶⁵ переместился в северо-восточную часть Соединённых Штатов. В течение двух недель холодный ливень обрушивался на огромную местность западнее Аппалачских гор, воды которой собирала река Огайо. С каждым днём уровень воды в этой реке поднимался на несколько сантиметров по краям дамб, ограждавших Джефферсонвилл и Луисвилл. Тем не менее, осадки не прекращались; иногда они выпадали в виде снега, но чаще в виде снега с дождём. Люди постоянно охраняли дамбы. Если хотя бы одну из них прорвало, вода затопила бы сотни километров обрабатываемой земли, а также низлежавшую территорию всех прибрежных городов в этой местности. Дамбы были хорошо сооружены, но они состояли из одного лишь грунта и поэтому не смогли бы выдержать такого высокого уровня воды в течение длительного времени. Изо дня в день дамбы слабели. Наконец, в середине февраля, наступил тот момент, когда городские власти приняли решение эвакуировать всех жителей, проживавших в опасных районах.

На протяжении всего того дня дороги были переполнены людьми, переезжавшими на более возвышенную местность. Дома Билла и миссис Брумбах находились в одном из опасных участков, поэтому Билл обязан был куда-нибудь перевезти свою жену. Прежде всего, он навёл справки в обычных больницах. К сожалению, они все были заполнены до отказа. Вследствие этого он должен был отвезти жену и детей во временную правительственную больницу. После этого он вступил в члены службы гражданской эвакуации.

---

⁶⁵ Фронт — область раздела между движущимися воздушными массами. Например: *атмосферный фронт; фронт грозы, облаков, тёплого воздуха.* (Пер.)

Несмотря на постоянные предупреждения, некоторые люди всё ещё задерживались в своих домах, чаще из-за того, что не имели средств передвижения. Добровольцы работали ночи напролёт не покладая рук, стараясь найти таких людей и эвакуировать их, пока ещё не было слишком поздно. Около полуночи часть дамбы на стороне реки в штате Индиана, наконец, не выдержала и прорвалась, в результате чего огромная масса воды с шумом понеслась в центр Джефферсонвилля. Все сирены в городе завывали, объявляя последнее срочное предупреждение. Нагрянула беда. **(Фото №27)**

Билл находился в другом конце города, когда услышал по своейрации следующее сообщение: “Билл, дамбу прорвало на нашей стороне. Поспешите с лодкой на Каштановую улицу. Нам нужна ваша помощь”. Он патрулировал в грузовике компании коммунальных услуг и в кузове возил моторную лодку на случай необходимости.

Прибыв в место назначения, Билл встретился с несколькими мужчинами, показывавшими пальцами в сторону бурлившей воды, которая образовывала водовороты вокруг всех домов.

— Там в беде мать со своими детьми. Мы не можем до них добраться. Как думаешь, твоя моторная лодка дотянет до них?

Вглядываясь в темноту сквозь мокрый снег, Билл смог различить человеческую фигуру, стоявшую на крыльце дома недалеко от того места, где пробило плотину. Поток прорывался через ту дыру, зиявшую в дамбе, и дом неистово шатался от огромного напора воды. Сквозь шум ветра и бурливший поток Билл едва мог расслышать крики женщины, звавшей на помощь. Поток выглядел зловещим.

— Я сделаю всё, что в моих силах. Помогите мне спустить лодку на воду, — ответил Билл.

Заведя мотор, Билл пытался направить лодку прямо к несчастной женщине, но течение было слишком сильным и сносило его с курса. Поэтому он навёл нос лодки против течения и стал пробиваться к источнику наводнения. Его маленький двигатель и пропеллер с трудом направляли лодку вперёд. Когда Билл подплыл к рухнувшей дамбе поближе, он развернул моторку и помчался поперёк течения, которое понесло его к месту назначения по диагонали.

Он резко причалил к стене дома и быстро привязал лодку к одному из столбов крыльца. Мать упала в обморок. Распластавшись на ледяном крыльце, она вызывала одну лишь жалость; от мокрого снега её волосы прилипли к голове, а одежда к коже. За её спиной две перепуганные девочки, прижавшись друг к дружке, сидели внутри у открытой двери. Биллу удалось благополучно перенести всех троих со скользкого крыльца в качавшуюся моторку.

Он направил лодку прямо к возвышенности, на которой был припаркован его грузовик, но мощное течение отнесло его почти на полтора километра вниз от того места, откуда он отплыл. Сначала группа спасателей помогла выбраться из лодки детям. Когда они вынесли мать, находившуюся в обмороке, она пришла в себя и в истерике начала кричать:

— Мой малыш! Моя малютка! О-о, не оставляйте мою малютку!

Вздрогнув, Билл посмотрел на двух девочек, которых он спас. Младшей из них было, по крайней мере, два годика. Паника обдала его большим холодом, чем мокрый снег, бивший ему прямо в лицо. Он забыл проверить всё внутри дома и, должно быть, оставил малыша в том обречённом здании!

— Я вернусь и привезу её малыша! — закричал Билл остальным спасателям. Они одобрительно кивнули головами.

Билл снова развернул свою моторку и стал с трудом плыть вверх по течению к пробитой плотине. К тому времени, когда он достиг своей цели, часть крыльца уже исчезла под водой, а остальная часть дома, похоже, могла рухнуть в любую минуту. Билл привязал лодку к одному из уцелевших столбов крыльца, а сам вбежал в дом, исступлённо мечась из одной комнаты в другую в поисках ребёнка. Но ребёнка нигде не было. Что же это могло означать? Затем он всё понял: мать была без сознания на протяжении всей спасательной операции; она не знала, что её обе девочки были в безопасности. Она, скорее всего, имела в виду свою младшую дочь, когда кричала: “Моя малютка!”

Дом вокруг него скрипел и ходил ходуном, предвещая гибель. Штукатурка, как град, сыпалась с потолка и, как воздушная кукуруза, лопаясь, отваливалась от стен. В конце коридора послышался сильный *треск*, и эхо от него прокатилось по всем комнатам. Пол весь трясся от толчков, которым подвергался перемещавшийся дом, отчего Билл с грохотом ударился о дверь чулана. Вскоре раздался очередной *треск*, слившийся со звуком ломавшихся деревянных конструкций. Здание сносило с фундамента.

Несясь по коридору, Билл выскочил через входную дверь, не зная, что крыльцо только что оторвалось от дома, и упал в ледяную воду, но, по благодати Божьей, смог ухватиться за край крыльца, которое уносилось волнами. Благодаря плававшим доскам, ему удалось выбраться из воды и вскарабкаться в моторку. Онемелыми пальцами он смог развязать скользящий узел. Пару мгновений спустя, дом полностью сорвало с основания, и он уплыл, исчезнув в ночной темноте.

Билл знал, что опасность ещё не миновала. Пока он обыскивал дом, мотор заглох, и теперь его утлое судёнышко неудержимо несло вдоль затопленных улиц. Лодка могла в любую минуту перевернуться от большой волны или сломавшегося сука дерева. Билл схватился за

обледенелый шнур стартера, поместил его конец с узлом в выемку махового колеса двигателя и с силой дёрнул за шнур. Ничего не произошло. Он снова дёрнул — опять ничего. Затем он повернул воздушную заслонку карбюратора и снова с силой потянул за шнур; мотор по-прежнему не заводился. К этому времени двигатель залила вода. Билл без конца дёргал за шнур стартера, пока его измождённые мышцы не отказались сокращаться. Мотор никак не заводился.

Поток тем временем отнёс Билла к Рыночной улице, а затем, проплыв через другую выбоину в дамбе, лодка оказалась в самой реке Огайо. Ужас вновь придал Биллу больше сил. Ведь совсем недалеко от него, вниз по течению, бурлил водопад Огайо!

Четырёхметровые волны вздымались вокруг Билла, в то время как он пытался удерживать равновесие, возясь с неподатливым мотором. Во время пауз между рывками ему казалось, что он слышал голос, говоривший ему: *“Что ты думаешь о своём решении не поехать к той группе пятидесятников?”* Билл снова дёрнул за шнур стартера — никаких изменений.

Он мог уже отчётливо слышать впереди себя шум водопада Огайо. Встав на колени в ледяную воду, которая плескалась на дне лодки, Билл скрестил свои замерзавшие пальцы и стал отчаянно молиться: “Господь, моя больная жена и двое больных детишек лежат там в больнице. Через пару минут я утону в этом водопаде. О Господь, пожалуйста, помоги мне. Мне не хочется погибнуть здесь в реке и оставить мою семью беспомощной”.

Совершенно другая мысль прервала его молитву. Казалось, будто он мог слышать слова своей тещи: “Отбросы! Они ничто иное, как отбросы! Я никогда тебе не позволю таскать мою дочь среди таких помоев”.

Дрожа от сознания своей вины, Билл начал молиться: “Дорогой Бог, я знаю, что совершил ошибку, но, пожалуйста, прости меня. Иисус, пожалуйста, смилуйся надо мной. Пожалуйста, заведи этот мотор!”

С каждой минутой гул водопада становился всё сильнее и сильнее. Встав на ноги, Билл ещё раз дёрнул за шнур стартера. В этот раз двигатель “фыркнул”, два раза “чихнул” и затем завёлся. Билл развернул лодку и дал полный газ. Он медленно плыл против течения, пока, наконец, оказался на достаточном расстоянии от водопада и смог направить моторку к берегу Индианы.

Он остановился недалеко от Говард Парк, почти возле Нью-Олбани, за многие километры от того места, откуда отплыл. Привязав лодку к дереву, он пошёл назад в Джефферсонвилл.

Только рано утром, измождённый и обессиленный, Билл, наконец, взялся за руль своего патрульного грузовика. Он сразу поехал навестить

свою жену и детей, однако был вынужден сделать крюк, узнав, что эта дорога была заблокирована наводнением. Он испробовал другой путь, но и тот оказался затопленным. Спустя почти час, после тщетных попыток, Билл осознал, что все дороги в том направлении были непроезжаемыми. Вдруг совершенно новая волна ужаса обрушилась на его сердце. А что, если правительственная больница была тоже под водой?! Он помчался в правительственное учреждение и нашёл там одного из своих друзей, Майора Уикли.

— Майор, а больницу смыло?

— Билли, в той местности сейчас больше шести метров глубины. У тебя был там кто-нибудь?

— Да, больная жена и двое больных детишек.

— Не волнуйся. Они все спаслись. Их всех посадили в поезд и отправили на север, в Чарльзтаун. Боюсь, что им пришлось нелегко. Товарные вагоны — это всё, что имелось тогда у нас под рукой.

— А я слышал, что тот поезд сошёл с рельсов в том месте, где эстакады проходят через реку Ланкассандж Крик. Думаю, что все утонули, — сказал кто-то другой.

Все телефонные и телеграфные столбы между Джефферсонвиллом и Чарльзтауном были смыты, поэтому не было никакой возможности получить ещё какую-либо информацию, не съездив туда. Билл вскочил в свой грузовик и поехал вверх по улице Ютика Пайк в направлении Чарльзтауна, который находился в 20 километрах на север от Джефферсонвилла. Он внезапно остановился у реки Ланкассандж Крик. Она вышла из берегов, разлилась на многие километры, превратив кукурузные поля в болота и затопив шоссе на многие мили. Билл поспешно вернулся в Джефферсонвилл, затащил в кузов грузовика моторку, наполнил топливом бензобак и вернулся туда, где Ютика Пайк и железнодорожные рельсы исчезли под водой.

Мокрый дождь превратился в град и отскакивал от дна лодки, когда Билл спускал её на воду. Он пытался плыть туда, где проходили затопленные рельсы, и ему удалось продвинуться таким образом на полтора километра, но чем ближе он подплывал к центру реки, тем сильнее было сопротивление течения, пока, наконец, оно полностью не сбило его с курса. Вскоре он безнадежно затерялся в лабиринте заболоченных кукурузных полей, расположенных между небольшими участками леса. Стало слишком опасно плыть как вперёд, так и назад. Как бы больно ни было ему на сердце, Билл знал, что ему придётся переждать эту непогоду. Он причалил свою лодку к островку, соорудил навес из веток деревьев и развёл костёр. Затем он сел отдохнуть... и предаться своим тревожным размышлениям.

Глава 21

ГИБЕЛЬ ХОУП

1937

ТРИ УЖАСНЫХ ДНЯ Уилльям Бранхам находился на том крошечном островке, отрезанный водой от внешнего мира. Большую часть времени он провёл в мучениях, воображая самое худшее; ему казалось, что его жена и дети плавали вниз лицом на поверхности реки, и их прибило где-нибудь к куче валежника. Такого рода мысли чуть ли не разрывали ему душу. В муках и страдании он молился своему Творцу, прося Его о помощи, но как бы усиленно он ни молился, он не мог обрести утешение в Господе. Казалось, будто Бог повернулся к нему спиной и отказался слушать его. Всякий раз, когда Билл молился, его мысли устремлялись к тем пятидесятникам, с которыми он повстречался в Мишаваке. Были ли они на самом деле “отбросами” из других церквей? Или же они ушли из тех церквей потому, что нашли нечто истинное? Сидя часами напролёт в этом заточении на островке, Билл имел предостаточно времени, чтобы подумать, являлись ли те эмоциональные пятидесятники “отбросами” или нет; а также следовало ли ему предпочесть мнение своей тёщи, а не водительство Святого Духа.

На второй день его заключения дождь, наконец, прекратился; облачный покров немного рассеялся, и время от времени сквозь мглу пробивались лучи солнца. Пилоты патрулировавшего самолёта заметили его и сбросили ему съестных припасов. На третий день ветер утих, поэтому Билл решил снова предпринять попытку переправиться. Ему удалось проплыть в своей лодке ещё полтора километра вдоль берега разлившейся речки до небольшого населённого пункта под названием Порт-Фултон, находившегося на совсем небольшой возвышенности, так что волны плескались всего лишь в нескольких шагах от порогов дверей. Билл оставался в Порт-Фултоне неделю, с нетерпением ожидая, когда вода пойдёт на убыль, и течение замедлится. Наконец, уже не в силах больше ждать, он сделал очередную попытку добраться до отдалённого берега, и в этот раз ему улыбнулась удача.

Надёжно привязав лодку к дереву, Билл отправился пешком вдоль шоссе по направлению к Чарльзтауну. Войдя в город, он начал спрашивать всех встречных, было ли им известно что-нибудь о поезде, приехавшем из Джефферсонвилла до того, как наводнение смыло рельсы. Кого бы он ни спрашивал, никто об этом ничего не знал. Отчаявшись, Билл поплёлся по улице в сторону железнодорожного вокзала.

Мимо него проехала машина и вдруг остановилась.

— Ну, Билли Бранхам, какими судьбами ты оказался в Чарльзтауне?

Это был полковник Хэйз, старый друг семьи. После того, как Билли объяснил ему своё трудное положение, полковник Хэйз сказал:

— Садись, Билли. Я помогу тебе найти их.

Вскоре они стояли в дверях железнодорожного диспетчерского пункта. Билл спросил дрожащим голосом:

— Десять дней назад — в ту ночь, когда прорвало дамбу в Джефферсонвилле, — пришёл ли сюда поезд около полуночи? Он состоял из товарных вагонов, но эти вагоны были заполнены людьми, — больными людьми.

— Как же я мог забыть тот поезд? — ответил диспетчер. — Это был последний, прежде чем смыло рельсы.

Билл ощутил прилив облегчения.

— Что произошло с теми людьми? — спросил он с нетерпением.

— Затрудняюсь сказать. Поезд здесь вообще не остановился. Я ничего не знаю о его конечной остановке, но машинист, который управлял им, будет вскоре здесь проезжать. Будь поблизости.

Машинист располагал большей информацией.

— Мать с двумя маленькими детьми? Да, я помню этот случай. Они все были очень больны. Мы высадили их в Колумбусе, Индиана. Молодой человек, вам, скорее всего, не удастся туда добраться. Наводнение отрезало от Колумбуса все поезда, и все дороги также заблокированы.

Когда Билл и полковник вышли из вокзала, Билла охватило беспокойство, и он нервно потирал руки и дёргал за пальцы. Полковник Хэйз положил ему на плечо твёрдую руку и сказал:

— Я могу доставить тебя туда, Билли. Я знаю объездную дорогу, которая идёт через возвышенности. Я вполне уверен, что вода её не затопит.

— Тогда поехали!

Колумбус, штат Индиана, находился в 80 километрах на север. Они приехали туда в сумерки и вскоре узнали о баптистской церкви, которую временно преобразовали в госпиталь, чтобы разместить всех больных и увечных, которые пострадали от наводнения. Когда они подъехали к этому зданию, Билл бросился бежать вверх, перескакивая через три ступеньки. В зале толпились люди. Церковные скамьи были нагромождены вдоль одной стены, и пол теперь был усеян раскладушками. В большом зале царили шум и беспорядок: люди ходили между рядами и разговаривали; больные стонали и кашляли.

Билл закричал в отчаянии:

— Хоуп! Хоуп! Где ты!

Лица людей повернулись в его сторону. Билла это не волновало. Он побежал между раскладушками, разыскивая то единственное лицо, которое значило для него больше, чем какое-либо другое.

— Хоуп, где же ты, дорогая?

В самом конце зала Билл увидел, как поднялась худенькая рука. Он пулей побежал вдоль ряда раскладушек, пока не остановился у её раскладушки. Билл невольно вздрогнул при первом взгляде на свою жену. “Боже милостивый!” — подумал он. Кожа Хоуп была бледной как полотно. Её руки выглядели такими костлявыми; она, должно быть, похудела на 12 килограммов. Её глаза настолько ввалились, а щёки так сильно впали, что были отчётливо видны очертания скуловых костей.

Хоуп взглянула на него и с трудом улыбнулась.

— Билл, прости, что я так ужасно выгляжу.

Билл упал на колени и сжал её в своих объятиях. Стараясь изо всех сил говорить ровным голосом, он произнёс:

— Любимая, ты выглядишь хорошо. Я сожалею, что ты настолько больна... А где Билли Поль и Шарон?

— Они у кого-то там, в той комнате. Мне не разрешают увидеться с ними.

В этот момент чья-то рука коснулась плеча Билла.

— Не вы ли почтенный Бранхам?

— Да.

— Я один из здешних врачей. Можно мне поговорить с вами несколько минут наедине?

Как только они отошли на достаточное расстояние, чтобы Хоуп не могла их услышать, врач сказал:

— Почтенный Бранхам, я сожалею, что именно мне выпало говорить это вам, но у вашей жены развилось туберкулёзное воспаление лёгких. Не думаю, что теперь его можно чем-нибудь остановить.

У Билла появилось ощущение, что эти слова врача, словно скальпель, рассекали ему грудь.

— Нет, доктор, неправда. Бог может её спасти.

— Что ж, может быть и так, но что касается медицинской науки, вашей жене конец. Мы ничем не можем ей помочь. Я также забочусь о ваших детях. Ваш мальчик в довольно хорошем состоянии, но у девочки очень сильное воспаление лёгких. Вы будете счастливым, если она оправится от этого.

— О Боже, смилуйся! — зарыдал Билл.

— Не падайте духом на глазах у вашей жены, — посоветовал ему доктор. — От этого ей станет ещё хуже. Она не знает, что умирает.

Билл смог побороть и взять под контроль свои душевные страдания.

— Когда я смогу забрать её и детей назад в Джефферсонвилл?

— Как только откроют дороги.

Вернувшись к раскладушке Хоуп, Билл сказал:

— Любимая, доктор сказал, что я смогу отвезти тебя домой через несколько дней. Мы попросим доктора Сэма Эдера заботиться о тебе.

Тонкие губы Хоуп искривились в прискорбной улыбке.

— Билл, это будет замечательно. Может быть, Бог смилуется надо мной и позволит мне жить.

— Я надеюсь всем моим сердцем, что Он это сделает, — сказал Билл, с трудом удерживая голос.

В ТЕЧЕНИЕ ПЯТИ МЕСЯЦЕВ Хоуп, находясь в джефферсонвилльской больнице, была прикована к постели. Доктор Эдер перепробовал всевозможные средства, какие только были у него в его врачебной практике, чтобы вывести её из того постоянно ухудшавшегося состояния. Ничто не помогало.

Когда Хоуп начала харкать кровью, Билла охватило сильное беспокойство. Доктор Эдер не многим мог утешить, как только объяснить ему, что происходило:

— Туберкулёзные бациллы, заразившие её лёгкие, проели кровеносный сосуд в бронхиальном дереве. Вот откуда появляется кровь.

— Доктор, есть что-нибудь ещё, что мы можем испробовать? Я в отчаянии.

— Я знаю доктора Миллера, который работает в санатории в Луисвилле. У него большой опыт с туберкулёзом; возможно, у него будут какие-нибудь предложения. Я позвоню ему.

Доктор Миллер переправился через реку обследовать Хоуп, после чего высказал своё мнение.

— Похоже, что болезнь развилась довольно сильно. Единственное, что может помочь — это лечебный пневмоторакс.

— Что такое пневмоторакс? — озадаченно спросил Билл.

— “Пневмо” по-латински значит лёгкие, а “торакс” — грудная полость, в которой находятся сердце и лёгкие. Пневмоторакс — это состояние, при котором воздух или газ проникает в промежуток *между* лёгкими и стенкой грудной клетки, увеличивая давление в той области, что, в свою очередь, выводит лёгкие из функционирования. Такое происходит самопроизвольно при некоторых лёгочных заболеваниях и обычно очень злокачественно. При искусственном пневмотораксе мы преднамеренно выводим из действия одно из лёгких. Поскольку бактерии, вызывающие туберкулёз, нуждаются в большом количестве кислорода для выживания, то, если мы по очереди пережимаем одно из лёгких, нам иногда удаётся задушить микробы.

— Это подаёт надежды. В чём это заключается?

— Мы прокалываем иглой грудную полость между рёбрами. Затем выпускаем измеренное количество воздуха, пережимая поочерёдно одно из

лёгких. Лёгкие постепенно поглощают этот воздух, поэтому через определённые промежутки времени мы должны опять вводить воздух на протяжении всего лечения.

Теперь Билли был не очень-то уверен в этом.

— Это выглядит рискованно.

— Мы не можем гарантировать успех, — сказал доктор Миллер.

Билл обсудил это с Хоуп, и она согласилась воспользоваться этим случаем. В джефферсонвилльской больнице не было аппарата для проведения пневмоторакса, поэтому Билл занял денег, чтобы взять его напрокат из луисвилльской больницы. Он держал Хоуп за руку, в то время как врачи обезболивали её бок и прокалывали иглой её грудную полость в промежутке между рёбрами. На протяжении всей этой процедуры Хоуп кусала себе губы и изо всех сил сжимала руку Билла. Она была в ужасных муках. Когда доктор Миллер всё закончил, Биллу пришлось отрывать пальцы Хоуп от своей руки.

После проведения этого лечения доктор Миллер решил сделать рентгеновские снимки обеих её лёгких. Он тщательно их исследовал и затем позвал Билла к себе в кабинет.

— Почтенный Бранхам, боюсь, что мы потерпели неудачу. Лёгкие вашей жены уже слишком сильно поражены. Нет ничего на свете, чем мы могли бы помочь ей сейчас. Всемогущий Бог зовёт её домой. Боюсь, что ей осталось жить всего лишь несколько дней.

Терзаемый невыразимыми муками, Билл вернулся в палату Хоуп. Лежа в постели, она выглядела такой бледной и хрупкой, как большая фарфоровая кукла. Как же он сможет жить без неё? А дети? Билли Полю не исполнилось ещё и двух лет, а Шарон Роуз ещё не было и девяти месяцев. Что же они будут делать без матери?

— Доктор сказал тебе что-нибудь? — спросила Хоуп.

Билл покачал головой.

— Не спрашивай меня об этом, любимая. Сейчас я должен идти на работу, но я буду приходить сюда через каждые несколько часов, чтобы проверять твоё состояние.

Ему ужасно не хотелось от неё отходить, однако за последние несколько месяцев он задолжал сотни долларов на медицинские расходы, поэтому должен был по-прежнему работать, чтобы выплатить все долги.

В четверг, 22 июля, Билл патрулировал в 50 километрах на север, недалеко от Скоттсбурга, штат Индиана, когда по радио, наконец, передали это ужасное сообщение: “Обращаемся к Уильяму Бранхаму: ваша жена при смерти. Если хотите застать её ещё в живых, лучше отправляйтесь туда прямо сейчас”.

Билл остановил свой грузовик у края дороги и вышел из кабины. Отстегнув ремень с кобурой револьвера, он положил его на сиденье; затем

снял шляпу и встал на колени у обочины. Склоняя голову пред Богом, он стал молиться: “Небесный Отец, я сделал всё, что в моих силах. Тебе известно, как Ты разрываешь душу Твоему слуге; но я, возможно, разрывал Твою душу, когда послушался своей тётки вместо Тебя. Я попросил у Тебя прощения ещё раньше. Господь, пожалуйста, не позволь Хоуп умереть прежде, чем я смогу увидеть её ещё раз”.

Сев в кабину, он включил сирену и помчался к больнице, выжимая газ, сколько мог выдержать его грузовик. Вбежав вверх по ступенькам через парадную дверь, Билл увидел Сэма Эдера, шедшего по коридору в его направлении. Доктор Эдер мельком взглянул на него, нагнул голову и вышел через боковую дверь, чтобы избежать встречи с ним. Билл побежал по коридору и распахнул ту дверь.

Сэм обнял его одной рукой и проговорил сквозь жалобный стон:

— Билли, бедняга.

— Доктор, скажи мне, она ещё жива?

— Думаю, что жива, Билли. Но ненадолго.

— Доктор, идём со мной в её палату, а?

Доктор Эдер повесил голову.

— О Билл, не заставляй меня идти туда. Хоуп испекла мне так много пирогов. Она мне, как сестра. У меня не хватает сил, чтобы вернуться в ту палату.

Медсестра открыла дверь и вошла в комнату.

— Почтенный Бранхам, я прошу вас принять это лекарство. Оно успокоит ваши нервы.

Билл отодвинул лекарство в сторону и пошёл к палате Хоуп.

— Я пойду с вами, — сказала медсестра и пошла за ним.

— Билл, она без сознания, — выкрикнул доктор Эдер ему вслед.

Хоуп лежала на больничной койке, и её лицо было закрыто простынёй. Билл оттянул простыню. Её глаза были закрыты, рот же был приоткрыт, а тело до того истощилось, что весило не больше 50 килограммов. Билл положил свою руку ей на лоб; он был холодным и липким. Взяв её за плечо, он слегка потряс её и сказал:

— Хоуп, любимая, ответь мне. Я люблю тебя всем моим сердцем. Пожалуйста, поговори со мной ещё раз.

За этим не последовало никакого ответа, ни малейшего движения. Билл начал молиться вслух:

— Боже, я знаю, что я не прав, но позволь ей, пожалуйста, поговорить со мной ещё один...

Не успел он закончить молитву, как веки Хоуп вздрогнули, а затем она открыла глаза. Она попыталась поднять руки, но была слишком слаба. Она шевелила губами и говорила невнятно.

— Это так легко, — сказала она. — Почему ты позвал меня?

Билл наклонился над койкой, чтобы лучше слышать.

— Что ты имеешь в виду, сладкая моя?

— Билл, ты говорил мне об этой стране, ты проповедовал о ней, но ты не можешь представить себе, как она прекрасна.

— О чём ты говоришь?

— Я уходила Домой. По обеим сторонам возле меня стояли два человека в белых одеждах. Мы шли по тропинке, вдоль которой цвели великолепнейшие цветы и возвышались изящные пальмы. Прекраснейшие птицы повсюду пели и порхали с дерева на дерево. Там был такой покой. Затем я услышала, как с той стороны дороги ты звал меня, и я вернулась, чтобы увидеть тебя.

Хоуп заметила медсестру, стоявшую за спиной её мужа.

— Луиза, когда ты выйдешь замуж, я надеюсь, что у тебя будет такой же хороший муж, как мой. Он такой добрый, такой чуткий.

Медсестра закрыла лицо носовым платком и поспешно удалилась из палаты.

— Нет, моя милая, я не смог ухаживать за тобой так, как мне хотелось, — сказал Билл.

— Ты сделал всё, что было в твоих силах, Билл, и я люблю тебя за это. Но мне нужно спешить — они ждут меня. Прежде чем я уйду, я хочу сказать тебе кое-что. Ты знаешь, почему я ухожу, не так ли?

Он попытался сказать “да”, но никак не мог выдать из себя это слово, поэтому просто кивнул головой.

— Нам вовсе не следовало слушаться маму, — прошептала Хоуп. — Эти пятидесятники правы. Обещай мне, что однажды пойдёшь к ним. Воспитывай наших детишек таким образом.

— Я знаю, что мне не следовало слушаться твою маму. О-о, если бы я только мог вернуться в прошлое и прожить это заново! Я поступил бы совсем иначе. Но в один прекрасный день я наверстаю упущенное.

— Билл, помнишь то ружьё, которое ты хотел купить, но у нас не было достаточно денег для начального взноса?

— Да, дорогая, я помню его.

— Я так сильно желала, чтобы у тебя было это ружьё. Я копила по 5 и 10 центов из тех денег, которые ты выдавал мне из моей еженедельной зарплаты в белошвейной мастерской. Когда вернёшься домой, посмотри на складную кровать. Там ты найдёшь конверт с деньгами. Обещай мне, что купишь то ружьё.

Он тяжело вздохнул и пообещал:

— Я куплю его ради тебя.

— Ещё одна вещь... Я хочу попросить у тебя прощения, потому что скрывала от тебя нечто. Помнишь то время, когда мы ехали в Форт-Уэйн, и ты купил мне те чулки?

— Да, я помню это.

— Билл, ты купил мне совсем другие чулки. Те чулки были для пожилых женщин, и я отдала их твоей матери. Я ничего не сказала тебе об этом, так как не хотела ранить твоих чувств.

Внезапно Билл ощутил, как совершенно другая душевная боль стала терзать его. По своей небрежности он в тот день недооценил нужды Хоуп. Как же он мог быть таким невнимательным, таким бессердечным? Его страдания теперь казались невыносимыми.

Лицо Хоуп обрело выражение спокойствия и безмятежности.

— Они возвращаются за мной. Я чувствую их приближение. Билл, это так легко. Этот драгоценный Святой Дух, Который мы приняли, — Он ведёт меня. Обещай мне, что будешь проповедовать крещение Святым Духом до самой смерти. Это реально, и умирать прекрасно.

— Я обещаю тебе это.

Хоуп сумела слегка улыбнуться.

— Я также хочу, чтобы ты пообещал мне, что не будешь жить одиноким.

— О Хоуп, я не могу обещать этого. Я слишком сильно тебя люблю.

— Билл, у нас двое детей. Я не хочу, чтобы они бегали беспризорные. Найди хорошую девушку-христианку, которая полюбит наших детей и приютит их, и женись на ней.

— О Хоуп, пожалуйста, не проси меня обещать это.

— Пожалуйста, Билл. Ты ведь не позволишь мне умереть разочарованной, не так ли?

— Я обещаю, что сделаю всё возможное, — пробормотал Билл, а его сердце было готово вырваться из груди.

— Билл, оставайся на миссионерском поприще, — таковы были её последние слова для него.

— Дорогая... Я похороню тебя на Уолнат Ридж. И если я усопну, меня похоронят рядом с тобой. Если Иисус придёт прежде, чем я умру, я буду где-нибудь проповедовать Евангелие Святого Духа. В тот великий день, когда Иисус раскроет небо, и с небес спустится Новый Иерусалим, я возьму Билли Поля и Шарон Роуз, и перед тем, как войти, мы встретим тебя у Восточных Ворот.

Хоуп улыбнулась в последний раз и сжала его руку. Затем она сомкнула глаза, чтобы идти к Божьему городу по той тропе между пальмами. В памяти Билла она навсегда осталась 24-летней Хоуп...

Глава 22

КОВАРНЕЙШИЙ МОМЕНТ В ЕГО ЖИЗНИ

1937

ЭЛЛА БРАНХАМ упрасивала своего сына остаться у неё в ту первую ночь после смерти Хоуп. Зная, что за его детьми присматривала миссис Брой, Элла не желала, чтобы Билли оставался наедине с собой. Однако он отказался: ему хотелось пойти домой. Хотя там не было много имущества, — за 10 долларов можно было бы выкупить всё, что находилось в обеих комнатах, — тем не менее, этот крошечный домик был *их* домиком. Хоуп содержала его в чистоте, и прикосновением своей любви она преобразила его из тесной заурядной квартиры, сдаваемой внаём, в тёплый и приятный для глаза дом.

Но как только Билл прошёл через входную дверь, он осознал, что совершил ошибку. Дом был лишён гостеприимства, жизни и ободряющей силы. Пройдя в комнату, Билл посмотрел на складную кровать. На ней, под газетой, лежал конверт, о котором упоминала Хоуп. Билл высыпал монеты на постельное покрывало и начал их считать. Сумма составила 2 доллара и 80 центов, — не хватало всего лишь 20 центов, чтобы сделать начальный взнос для покупки того ружья 22-го калибра, которое он желал приобрести уже больше года. Билл твёрдо решил в своём сердце заплатить эти деньги в качестве начального взноса за ружьё, и, несмотря на сотни долларов, которые он должен был выплатить за медицинские расходы, в память своей преданной жены он пообещал себе, что будет выплачивать ежемесячную сумму за то ружьё, пока не станет полноправным его владельцем.

Он лежал на кровати, страстно желая погрузиться в сон. Мышь каким-то образом проникла в кухонную плиту и стала шелестеть бумагой для растопки, застрявшей между решётками. От этого звука Биллу показалось, будто Хоуп шелестела обёртками конфет, которые она хранила на кухонной полке. Он встал и закрыл ногой дверь кухни. На крючке за дверью висел халат Хоуп. Только теперь он осознал, что ему следовало пойти к своей матери: всё здесь напоминало ему о жене, лежавшей в морге. Билл уткнул своё мокрое лицо в матрац и дал волю своему горю.

Вдруг кто-то стал настойчиво стучать кулаком в дверь. Билл вскочил с постели и впустил в комнату Фрэнка Броя и его сына Флетчера.

— Билл, у меня для тебя плохие новости, — сказал Фрэнк.

— Я знаю, Фрэнк. Я был при Хоуп, когда она умерла.

— Но это ещё не всё. Твоя малютка тоже умирает.

— Шарон? — Билл открыл рот, не веря своим ушам. — Не может быть!

— Да. Доктор Эдер только что отвёз её в больницу. У неё менингит. Врач говорит, что у неё нет ни малейшего шанса выжить. Пойдём, я отвезу тебя туда.

Но вместо того, чтобы идти, Билл рухнул на пол. Фрэнк и Флетчер помогли ему встать и отвели его к пикапу Фрэнка.

Когда Билл приехал в больницу, доктор Эдер пошёл с ним в лабораторию и позволил ему посмотреть через микроскоп на анализ жидкости, взятой из позвоночника Шарон.

— Это туберкулёзный менингит, — сказал печально доктор Эдер. — Она заразилась им от своей матери. Обычно туберкулёзная бацилла задерживается в лёгких, но иногда она попадает в кровообращение и достигает мозговых оболочек, которые покрывают мозг. Именно это произошло с твоей дочерью. Я сожалею, Билл, но в данном случае мы абсолютно ничем не можем ей помочь.

— Доктор, где она? Я хочу увидеть её.

— Она внизу, в изоляторе, поэтому тебе нельзя навесить её. У неё инфекция.

— Мне неважно, если я умру. Я должен увидеть Шарон ещё раз.

Доктор Эдер с трудом отстаивал своё решение.

— Тебе нельзя это делать, Билл. Это менингит. Ты можешь перенести его на своей одежде и заразить Билли Поля.

Билл сел, закрыл лицо руками и начал рыдать.

— Принеси мне хлороформа и дай мне умереть вместе с ней. Какой смысл мне теперь жить? Я лишился всех, кого люблю.

Доктор Эдер разделял страдания своего друга, будто это были его собственные муки.

— Билл, останься здесь. Я попрошу медсестру принести тебе что-нибудь успокоительное.

Как только доктор Эдер покинул комнату, Билл выскользнул через другую дверь и начал спускаться в подвал. Шарон Роуз лежала в кровати, хныкая и судорожно подёргиваясь от мышечных спазмов. Её тельце было накрыто куском марли, как сеточкой от мух, но от её судорожных движений марля сползла на бок, и теперь мухи сидели на её личике и высасывали влагу вокруг её глазок. Билл смахнул мух.

— Шарон, — нежно сказал он.

Когда она повернула свою головку к нему, её губки начали трепетать. Она страдала так тяжело, что её глазки были перекошены. Он снова натянул марлю на её личико.

Билл упал на колени, закрыл глаза и сложил руки в молитве. “О милостивый Бог, — воскликнул он, — Ты взял мою дорогую жену, и сейчас Ты забираешь моего ребёнка! Пожалуйста, оставь мне мою маленькую девочку. Я ведь поступил неправильно; Ты должен забрать меня. Я сожалею, что послушался кого-то другого вместо Тебя. Я постараюсь больше никогда так не делать. Господь, я пойду к тем людям, которых она назвала “отбросами” и “помоями”, и мне неважно, кто будет называть меня святым скакуном. Я сделаю всё, что Ты только захочешь, только не позволяй моей малышке умереть, пожалуйста”.

Как только Билл открыл глаза, он увидел, что между ним и Шарон опустилось нечто, похожее на чёрное полотно. Он видел то же самое, когда молился за Хоуп в прошлом году на Рождество. Теперь он знал, что Бог отверг его молитву.

В то мгновение произошёл коварнейший момент в жизни Билла. Когда он стоял на коленях на твёрдом полу того подвального изолятора, в то время как его девятимесячная малышка умирала прямо у него на глазах, искуситель появился тут как тут и стал шептать: *“Ты говоришь, что Бог есть любовь. Разве это любовь? Ты из всех сил проповедовал Его Слово и из всех сил старался жить для Него, а теперь, когда дело дошло до жизни твоего собственного ребёнка, Он отвергает тебя! Какому Богу ты тогда вообще служишь?”*

Пару мгновений Билл шатался в опасном положении между Жизнью и смертью. Затем у него появился ответ, который выплеснулся из какого-то скрытого источника силы в глубине его души: “Я скажу, как Иов в прошлом: *“Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!”*⁶⁶ О Боже, я не знаю, почему Ты терзаешь меня так, но от этого моя вера в Тебя остаётся той же самой. Даже если Ты погубишь меня, я по-прежнему буду верить в Тебя. Я верю в Тебя”.

Он поднялся и в последний раз наклонился над кроватью своей дочери.

— Шарон, после того, как Ангелы унесут твою маленькую душу на встречу с мамочкой там, я положу тебя здесь на мамины руки.

Амелию Хоуп Бранхам похоронили в субботу, 24 июля 1937 года, на кладбище Уолнат Ридж, на том участке, который её отец выкупил для себя и своей жены. Шарон Роуз умерла на следующий день. В понедельник утром сотрудник похоронного бюро вскрыл могилу Хоуп и спустил гробик Шарон на гроб её матери. Билл сдержал своё обещание: он положил Шарон Роуз на руки её мамы.

НА ПРОТЯЖЕНИИ последующих недель существование Билла проходило в трясине невыносимого горя. Дни ему казались бесконечными, а ночи зачастую приносили бессонное мучение. Каждое утро по рабочим дням он заставлял себя идти на работу. Билл знал, что он был обязан рассчитаться со всеми медицинскими долгами, и это было стимулом, чтобы продолжать жить. Днём он забирал Билли Поля из дома семьи Брой, готовил ужин, а затем часами напролёт ходил по улицам, нося своего сына на плечах.

Однажды, после работы, Билл посадил своего сынишку на ступеньки крыльца, а сам направился на задний двор проведать свою

---

⁶⁶ Иова 1:21

охотничью собаку, которую он держал на привязи под дубом в конце своего участка.

— Папа, а где мама? — спросил Билли Поль.

Билл отвечал на этот вопрос уже сотни раз, но двухлетний Билли Поль ещё не мог этого понять.

— Она на небесах. Она пошла повидаться с Иисусом.

— А когда она вернётся? Она мне нужна.

— Она не вернётся, Билли, но мы с тобой как-нибудь пойдём навестить её.

Билл начал идти по дорожке, которая вела за дом.

— Папа, посмотри! Я увидел маму вон на том облаке, — сказал Билли Поль и начал показывать своим пухленьким пальчиком в небо.

Билл не смог этого выдержать. Упав лицом вниз на тропинку, он пролежал там в гробовом молчании около часа, в то время, как Билли Поль сидел на ступеньках и плакал, зовя свою маму. Когда Билл, наконец, собрался с силами и встал, он отнёс Билли Поля назад в дом семьи Брой и оставил его у них, а сам тем временем пошёл на кладбище Уолнат Ридж. Прежде чем он достиг кладбища, к нему подъехала машина и остановилась. Мистер Айлер, здешний сенатор штата Индиана, вышел из машины и сказал:

— Куда это ты идёшь, Билли? Не на кладбище ли?

— Да.

— Это уже не первый раз, когда я вижу тебя идущим вверх по холму. Что ты делаешь там?

— Я сижу у могилы моей жены и ребёнка и слушаю, как ветер, теребя листья на деревьях, наигрывает музыку.

— Какую же музыку он наигрывает?

Билл процитировал ему первую строфу церковного гимна:

*За рекою есть страна,
Вечно сладкая она.
Только с верою глубокой
Мы достигнем вход далёкий,
Друг за другом, ты и я,
Мы услышим песню — вечность
Приглашает в бесконечность,
Колокольчиком звеня.*

Сенатор Айлер сжал обе руки Билла в своих руках.

— Билли, я хочу спросить у тебя кое-что. Я видел, как ты стоял на углах улиц и проповедовал до тех пор, что казалось, что ты вот-вот упадёшь замертво. Я видел, как ты всё время ходил по улицам, навещая больных в любую пору ночи. После всех этих бед, обрушившихся на тебя, что значит Христос для тебя сейчас?

— Он — всё, что у меня осталось, мистер Айлер. Он — моя жизнь, моё всё, мой основной принцип. Он — единственное, что прочно в моей жизни, за что я могу держаться.

Мистер Айлер покачал головой.

— После того, как Он взял твою жену и ребёнка, ты всё ещё хочешь служить Ему?

— Даже если Он погубит меня, я по-прежнему буду верить в Него.

Ранним утром на следующий день Биллу поручили отремонтировать повреждённую вторичную линию на 150-ом шоссе недалеко от Нью-Олбани. Надев свои монтерские когти и предохранительный пояс, он вскарабкался на высоковольтный столб и остановился у самой перекладки. Его разум тяготили мысли о Хоуп и Шарон. Он мог понять, почему Бог взял его жену, но почему ребёнка? Почему Бог забрал его крошечку Шарон?

За работой он пел стародавний евангельский гимн:

*На далёком холме старый крест виден мне,
Знак позора, страданий и мук.
О кресте мы поём потому, что на нём
Был распят лучший грешников Друг.*

Как раз в тот момент солнце поднялось над деревьями на горизонте, заливая Билла своим светом, в результате чего на склоне холма возле него образовалась тень, — тень человека, висевшего на кресте.

“Да, — всхлипнул он, — это мои грехи отправили Тебя туда, Иисус. Я настолько же виновен, как и любой другой”.

Внезапно в его разуме промелькнула сумасбродная мысль. Воспользовавшись таким состоянием замешательства Билла, дьявол стал убеждать его преждевременно оборвать свою жизнь. Билл посмотрел сначала на свои тяжёлые резиновые перчатки, а затем на провод первичной линии, по которому бежало 2300 вольт, находившийся рядом со вторичной линией. Он взвесил все возможности. Это было неправильно, очень неправильно; однако, в этот момент, когда его мышление было затуманено отчаянием, неправильное почему-то казалось правильным. Резко сняв одну из защитных перчаток, он сказал: “Дорогой Бог, я очень не хочу этого делать, но я ведь труслив. Я просто не могу продолжать жить без них”. Он протянул свою голую руку к 2300-вольтному первичному проводу, осознавая, что, когда он ухватится за него, электрический ток выжжет его кровь и раздробит кости. “Шарон, твой папочка идёт увидеть тебя и мамочку”.

Билл так и не узнал, что произошло после этого... Придя в себя, он сидел на земле, а его предохранительный пояс был по-прежнему обмотан вокруг столба. Его тело обливалось потом, и он безудержно дрожал. Не в

силах больше работать в тот день, он бросил инструменты в кузов своего служебного грузовика и поехал домой.

Из его почтового ящика на веранде торчало несколько писем. Билл сложил их в кучу, принёс домой и разложил на кухонном столе. Помимо обычных ежемесячных счетов за пользование коммунальными услугами, одно письмо оказалось крайне неожиданным. Оно пришло из его банка и было адресовано “мисс Шарон Роуз Бранхам”. Дрожащими руками Билл вскрыл конверт. Затем он всё понял: банк возвращал её 80 центов. Билл совсем забыл о сберегательном счёте, который он открыл на имя Шарон за несколько дней до Рождества. Это ведь было перед...

Его умственная “плотина” прорвалась, затопляя его разум теми ужасными воспоминаниями. Он начал молиться: “Иисус, когда я ещё был совсем ребёнком, я так часто ходил голодным и холодным. Все смеялись с меня и обзывали меня неженкой. Я ощущал себя таким одиноким. Затем, когда я стал Христианином, Ты дал мне домик и мою семейку. Я старался жить правильно. А теперь Ты забрал всё это у меня. Я так сильно мучаюсь; я больше не в силах продолжать так жить. О Боже, почему Ты не можешь и меня забрать?”

Дьявол снова приступил к Биллу, как мгла, затуманивая его разум и лишая рассудка и здравого смысла. На какое-то мгновение Билл утерял из виду руководящую руку Божью. В тот коварный момент сатана подтолкнул его к самым ужасным действиям, какие только он мог предпринять. Билл вешал кобуру с револьвером инспектора по охране дичи на гвоздь за кухонной дверью. Взяв револьвер в руку, он встал на колени на полу возле армейской раскладушки, которая находилась у кухонной плиты. Приставив дуло к виску, он взвёл курок и нажал на спусковой крючок, одновременно произнося молитву: *“Отче наш, сущий на небесах, да святится имя Твоё; да придёт Царствие Твоё; да будет воля Твоя...”* Он всё сильнее и сильнее нажимал на хорошо смазанный курок, но тот даже и не шевельнулся. Билл давил изо всех сил, однако эта тонкая серповидная пластинка из стали никак не поддавалась. Наконец, он сдался и отбросил револьвер. Когда тот упал на пол, прогремел выстрел, и пуля пробила стенку.

Билл распластался на раскладушке. “О Боже, Ты просто разрываешь меня на куски. Ты даже не даёшь мне умереть”.

Он рыдал до измождения, пока, наконец, не заснул крепким сном, и ему приснился сон. Это не был обычный сон с расплывчатыми очертаниями и неопределёнными событиями. Наоборот, фрагменты этого сна вырисовывались отчётливо и ясно, и они запечатлелись в его памяти настолько чётко, будто он на самом деле там побывал.

Ему приснилось, что он шёл по пустынной дороге прерии где-то на Западе, напевая популярную ковбойскую балладу: “Колесо повозки сломалось, там продаётся ранчо...” Билл проходил мимо старого

крытого фургона, который ранние переселенцы называли “шхуной”⁶⁷ пустыни”. Одно из передних колёс фургона было сломано, отчего его корпус накренился на бок, так что ось упиралась в землю. С той стороны, где находилось треснутое деревянное колесо, прислонённое к корпусу повозки, стояла красивая молодая леди и смотрела на Билла. Ветер трепал её длинные светлые волосы, а её голубые глаза сверкали на солнце. Проходя мимо, Билл снял свою ковбойскую шляпу и радостно поприветствовал её:

— Доброе утро, мадам.

— Доброе утро, папочка, — ответила она.

Билл остановился и уставился на эту красивую девушку в белом. На вид ей было, по крайней мере, двадцать лет.

— Ну что вы, Мисс, как же я могу быть вашим папой, когда вы почти что моего возраста?

На её лице появилась широкая, открытая улыбка, при которой стали видны зубы безупречной белизны.

— Папа, ты просто не знаешь, где ты находишься. На земле я была твоей маленькой Шарон Роуз.

— Шарон? Но...но ты ведь была совсем младенцем.

— Папа, здесь нет никаких младенцев. Мы все одинакового возраста; мы бессмертны. А где мой брат Билли Поль?

— Я оставил его у миссис Брой всего несколько минут назад.

— Я буду ждать здесь Билли Поля. Не хочешь ли ты повидаться с мамой? Она ждёт тебя там в твоём новом доме, — сказала Шарон.

— В новом доме? У Бранхамов никогда не было домов, мы всегда были нищими скитальцами.

— Но здесь у тебя есть дом, папа. Посмотри.

Она указала рукой на поднимающуюся вверх дорогу. Тропа вела к величественному дворцу, построенному на вершине холма. Солнце только что спряталось за крышей этого дворца, и теперь солнечные лучи расходились в разные стороны, напоминая свечение маяков, которые помогают изнурённым мореплавателям войти в гавань. Билл с поднятыми руками шагал по дороге и напевал: **“Мой дом, сладостный дом...”** От подножия холма до самой входной двери тянулись ступеньки, а у порога раскрытой двери его ждала Хоуп. Она была одета в белую одежду, и её длинные чёрные волосы развевались на ветру. Билл помчался вверх, перепрыгивая через три ступеньки. Достигнув лестничной площадки, он упал к ногам Хоуп. Она нежно попросила его встать. Билл сказал:

— Хоуп, там, на дороге, я только что встретил Шарон. Она превратилась в такую красивую молодую леди.

---

⁶⁷ Шхуна — небольшое морское судно. (Пер.)

— Да, она стала такой миловидной. Билл, ты должен перестать беспокоиться обо мне и Шарон.

— Дорогая, я ничего не могу с этим поделать. Я так соскучился по вам обеим; к тому же, Билли Поль всё время плачет и зовёт тебя. Я даже не знаю, что с ним и делать.

— Нам с Шарон здесь намного лучше, чем тебе там. Пообещай мне, что больше не будешь переживать за нас, — сказала Хоуп, положив свою руку ему на плечо и похлопав его слегка по спине, как она часто делала это на земле. — Билл, ты выглядишь таким усталым. Ты изнуряешь себя молитвами за больных. Зайди внутрь со мной. Теперь ты можешь присесть и отдохнуть.

Он зашёл с ней во дворец, а там стояло зелёное кресло Морриса, в точности как то, которое забрала у него финансовая компания, потому что он не смог выплатить за него всю сумму.

— Ты помнишь это кресло? — спросила Хоуп.

У Билла комок застрял в горле.

— Как же мне его не помнить!

— Это кресло они не заберут, — уверила она его. — За него уже уплачено.

— Я этого не понимаю.

— Теперь ты начнёшь возвращаться, Билл. Обещай мне, что не будешь больше беспокоиться обо мне и Шарон.

— Хоуп, я не могу этого обещать.

Вдруг Хоуп исчезла, и Билл начал просыпаться. Он по-прежнему стоял на коленях в темноте кухни, склонив голову над раскладушкой. Он встал и обвёл глазами всю затемнённую комнату. Казалось, будто он ощущал на своём плече невидимую руку.

— Хоуп, это ты?

Ему показалось, что он почувствовал, как она стала слегка похлопывать его по спине.

— Хоуп, ты здесь, в комнате?

Было ли это всё плодом его воображения? Или же он всё-таки услышал голос, прошептавший:

— Обещай мне, что ты не будешь больше беспокоиться.

— Хоуп, я обещаю тебе, — сказал Билл.

Глава 23

ПОСТЕПЕННО ОПРАВЛЯЕТСЯ ОТ ГОРЯ

1937 — 1939

УРОВЕНЬ ВОДЫ в реке Огайо во время наводнения 1937 года на самом деле достиг глубины в шесть с половиной метров на улице Спринг Стрит, — в точности как Ангел показал Уильяму Бранхаму перед тем, как

это произошло. Скиния Бранхама, находившаяся недалеко от Спринг Стрит, также получила “водное крещение”. Поднявшаяся вода потопа выбила окна, в результате чего всё внутри, что не было прикреплено к полу, начало плавать, включая кафедру и скамейки. Когда грязная речная вода, наконец, спала, скамейки опустились на пол вкривь и вкось и лежали в полнейшем беспорядке, но кафедра опустилась почти на то же самое место, где и стояла раньше — по-прежнему в вертикальном положении и обращённая к собранию. Тем вечером (накануне наводнения) Билл оставил свою Библию на кафедре раскрытой. Когда он пришёл осмотреть причинённый ущерб, он обнаружил, что его Библия лежала именно там, где он её положил, и была всё ещё открыта та той же странице. Билл воспринял это как знамение от Бога: даже когда внешние обстоятельства его жизни были в неразберихе, Слово Божье, которое он проповедовал, оставалось истинным и непоколебимым, как ни в чём не бывало.

Это было обнадеживающим, ведь Билл нуждался в малейшем ободрении, которое помогло бы ему перенести тяжести его жизни. Он просто не мог свыкнуться с мыслью о потере своей жены и дочери. Ему казалось, что он отбывал срок тюремного заключения, лишённый всякой надежды на досрочное освобождение. Печаль заключила его словно за тюремные решётки; одиночество следило за ним, как тюремный надзиратель, а отчаяние, казалось, управляло каждым его движением, как неумолимый тюремный начальник. Это наказание казалось почти невыносимым.

Иногда Билл находил утешение, вспоминая свой сон о том, что Хоуп и Шарон находились в небесах. Он знал, что это был сон, потому что он заснул. (Видения появлялись, когда он был в бодрствующем состоянии.) Тем не менее, этот сон был настолько незабываемым: он был таким живым, вплоть до волокон древесины на фургоне переселенцев и следов на песке, оставленных его сапогами. К тому же, казалось, что этот сон был таким многозначительным, будто Бог желал сказать ему так много всего. Некоторые моменты казались вполне понятными: сломанное колесо фургона, конечно же, представляло его разбитую семью; а то, что Хоуп и Шарон были сейчас в лучшем месте, чем Земля, было также истинно. Однако другие символы было трудно понять. Почему события во сне происходили на Западе? Был ли какой-нибудь смысл в закате солнца? А больше всего Билла сбивало с толку следующее: что же Хоуп имела в виду, когда сказала, что он изнурял себя молитвами за больных? На эти вопросы он не мог найти соответствующих ответов.

Билл находил самую большую поддержку в Библии. Он читал Римлянам 8:28, где апостол Павел сказал: *“Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, всё содействует ко благу”*. Билл изо всех сил старался поверить в это, но ему было так трудно это увидеть.

Возможно ли, чтобы какое-нибудь благо вышло из потери его жены и дочери? Он сделал пометки в 14-й главе Иоанна, где Иисус сказал: *“Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Меня веруйте. В доме Отца Моего обителей много... Я иду приготовить место вам... приду опять и возьму вас к Себе... Да не смущается сердце ваше и да не устрашается”*.

Билл старался применить этот совет на практике, но в сердце он беспокоился, как и прежде. Хотя он продолжал проповедовать в церкви, он утратил немалую часть своей прежней энергии и энтузиазма. Он по-прежнему был очень чутким к нуждам людей, однако, каким-то образом он чувствовал, что не примирился с Господом. Во время любой молитвы он так и не мог достигнуть Божьего Престола, как это ему удавалось раньше. Он чувствовал себя жалким и несчастным.

Его мать по-прежнему жила в нескольких кварталах от него. После смерти Чарльза старшего, её мужа, она превратила свой дом в пансион, который приносил ей постоянный, хотя и скромный доход. Каждый день Элла готовила завтрак и ужин своим посетителям. Билл частенько заходил к ней на ужин. Однажды вечером, когда он помогал своей матери убирать со стола грязную посуду, Элла спросила его, что он думал о новом мосте, который сооружался над рекой Огайо между Луисвиллом, штат Кентукки, и Джефферсонвиллом, штат Индиана.

— Не кажется ли тебе это чем-то знакомым? — спросила она.

— Странно, но почему-то и вправду выглядит знакомым, — как будто я вспоминаю, что где-то раньше это видел...

Элла кивнула головой.

— Однажды, много лет тому назад, ты вбежал в дом возбуждённый и начал бормотать о том, что увидел какой-то мост, тогда как на том месте не было никакого моста. Сначала я подумала, что всё это было твоей выдумкой, но затем мне стало интересно, на самом ли деле это было так, поэтому я записала это на бумажке и спрятала её.

Она протянула ему сложенный клочок пожелтевшей бумаги. Билл знал, что было там написано, прежде чем он прочитал те слова. Он мгновенно перенёсся мыслями в своё детство и вспомнил яблоню, игру в шарики и странное ощущение, которое его объяло. Он также вспомнил, как река, казалось, вдруг приблизилась, и над водой начал быстро формировываться мост, который соединялся по частям, пока один центральный брус в верхней части пролёта не отвалился и не полетел вниз. Он развернул эту старую записку и прочитал неразборчиво написанные слова своей матери. Затем он подумал о новом строившемся мосте. То-то и оно! Это происходило точь-в-точь, как он увидел это в детстве.

— Мама, как ты думаешь, что это может значить?

— Откуда же мне знать? — сказала она, пожав плечами. — Но Билли, все эти годы я часто размышляла, не родился ли ты для особой цели в жизни. Я всё ещё думаю, что это может быть так.

Вспомнив то видение в детстве, своё первое видение, и сейчас осознавая, что оно исполнялось, Билл стал задаваться тем же вопросом. Возможно ли, что его жизнь на самом деле направлялась к какой-то уникальной цели? В данный момент его жизнь казалась такой скучной, пустой и лишённой всякого смысла, что было трудно представить, как Бог сможет использовать его для чего-то особенного. Однако он никак не мог забыть того семилетнего мальчишку, который с ужасом слушал тот низкий голос, сказавший ему из вихря на дереве: *“Никогда не пей, не кури и не оскверняй своего тела никаким образом. Когда повзрослеешь, для тебя будет труд”*. Не поэтому ли Бог ещё оставил его в живых? Предстояло ли ему осуществить ещё нечто большее?

В его груди вспыхнула искорка надежды.

1 СЕНТЯБРЯ 1939 ГОДА Адольф Гитлер приказал своим войскам оккупировать Польшу. Два дня спустя Франция и Великобритания объявили войну Германии. Французы сразу же пошли в атаку через реку Рейн, протекавшую вдоль их общей границы с Германией; однако, у них возникли трудности при попытке пробиться сквозь сильную немецкую оборону. Тем временем состоялся неравный поединок между польской конницей и немецкими механизированными дивизиями. После ужасного 18-дневного сражения польское правительство и военное командование сбежали в Румынию, находящуюся по соседству, в поисках убежища. С того момента польское сопротивление начало резко ослабевать, что позволило Германии сосредоточить свои силы против французского вторжения. Хотя французы с поспешностью удалились с немецкой земли, многим политическим наблюдателям стало очевидно, что война в Европе вместо того, чтобы закончиться, всего лишь начиналась.

Как и все другие, у кого был доступ к радио или газетам, Уилльям Бранхам с пристальным вниманием следил за этими разворачивающимися драматическими событиями в Европе. Однако он проявлял интерес к войне совсем с другой точки зрения. Ведь именно это он наблюдал в видении в июне 1933 года, когда семь событий развернулись перед ним в виде панорамы о будущем. Это было сверхъестественно, жутко. Какая сила позволила ему увидеть эти события до того, как они произошли? И для какой цели? Вот, опять это слово — цель. Может быть, Бог на самом деле запланировал в его жизни какую-то важную цель? Если так, тогда почему же она не проявлялась с большей ясностью?

В такие моменты мысли Билла неизбежно переносились к его встрече с пятидесятниками в Мишаваке, штат Индиана, которая произошла два года тому назад. Билл знал, что в своей жизни не выполнил Божьего

поручения, когда отвергнул те приглашения пятидесятнических служителей, которые попросили его совершить евангелизацию среди их церквей. Но как же ему теперь вернуться к Божьей воле? Конечно, он мог просто начать посещать пятидесятнические церкви в надежде, что какая-нибудь из них попросит его проповедовать для них. Однако ему по-прежнему не давал покоя один вопрос, который, как какое-то препятствие, не позволял ему идти в правильном направлении. Это был вопрос о дарах Святого Духа, а именно: вопрос о даре иных языков и истолковании языков.

К этому времени Билл был убеждён в том, что как говорение на языках, так и их истолкование являлись подлинными дарами Божьего Духа. Конечно же, в Библии эта тема разъяснялась довольно хорошо⁶⁸. Но Билла беспокоило вот что: его переживание в Мишаваке, относящееся к тем двум мужчинам, которые особенно активно выражали дары иных языков и их истолкования. Они оба демонстрировали сильные проявления Божьего Духа во время служения в церкви. Однако, позже, когда Билл разговаривал с каждым мужчиной наедине, он смог заглянуть прямо в их личную жизнь. Хотя один из них был всецело посвящённым Христианином, другой оказался полнейшим лицемером. Билл знал, что это было истиной, так как эти видения были всегда безошибочными. Именно это и беспокоило его, что касалось всей этой пятидесятнической идеи, которая допускала открытое проявление даров Духа во время собраний в церкви. Если на то собрание пятидесятников действительно сходил Божий Дух, тогда как же мог Дух Божий благословлять того отъявленного лицемера? Это казалось неправдоподобным. Однако мог ли дух сатаны совершать Божьи дела? Это также выглядело сомнительно. Тогда возможно ли такое, что оба духа действовали на одном и том же собрании? Эта мысль приносила новые трудности. Если Божий Дух и дух сатаны производили одинаковые результаты, тогда как мог кто-нибудь вообще узнать, что было истинным?

Эта загадка неоднократно волновала его в течение прошедших двух лет. Сейчас же, увидев, что его видение о войне в Европе стало реальностью, Билл опять ощутил потребность в том, чтобы безотлагательно найти ответ, благодаря которому он смог бы оставить позади свою ошибку и заново двинуться в путь к той цели, которую Бог предопределил для него в Своём разуме.

Взяв на работе несколько выходных, Билл поехал по 62-му шоссе в северном направлении, пока не прибыл в местность Туннель Милл. Он оставил машину недалеко от дороги, перешёл через речку Фортин Майл Крик и отправился в лес. Осень очаровала Билла своей красотой. Оранжевые, коричневые и красные листья шелестели на деревьях, и когда

---

⁶⁸ 1 Коринфянам 12:1-12 и 14:1-33

он шёл, трещали под ногами. Птицы дополняли этот звук своими нежными трелями. Наконец, Билл пришёл к тому месту, где у крутого известнякового утёса начиналось то 25-метровое ущелье. Он пробирался через кусты и огромные камни вдоль подножия скалы, пока не пришёл к входу в свою пещеру. Тонкий заострённый кусок скалы, направленный вверх, торчал, как зуб, перед этим отверстием. Билл зажёл свечу, а затем, извиваясь, просунул в пролом ноги. Идя по восьмиметровому коридору, тянувшемуся вглубь перпендикулярно склону холма, он остановился и начал снова пристально рассматривать пирамидообразное скальное образование, перевёрнутое вершиной вниз и повисшее над тем прямоугольным известняковым столом. Это зрелище поражало Билла всякий раз, когда он видел его. Он положил своё пальто и несколько запасных свечек на скальный выступ, который он использовал в качестве кровати. Затем он взял Библию и вышел наружу, навстречу тёплым солнечным лучам, чтобы найти Бога.

На земле, недалеко от входа в пещеру, лежал сваленный дуб. В том месте, где ствол этого старого дерева начинал ветвиться, сучья образовали естественное кресло для отдыха. Устроившись поудобнее, Билл сидел в этом разветвлении весь день, читая Библию и пребывая в молитве. Наконец, небо потемнело, и засияли звёзды. Лёгкий, однако холодный, осенний ветерок заставил его укрыться в пещере.

На следующее утро он не выходил до тех пор, пока солнце не поднялось достаточно высоко, чтобы согреть его уютное местечко. Он оставил свою открытую Библию в том разветвлении старого дуба, и её страницы, перелистываемые ветром, остановились на 6-й главе Послания к Евреям. Билл “оседлал” ствол дерева и начал читать:

Ибо невозможно — однажды просвещённых, и вкусивших дара небесного, и соделавшихся причастниками Духа Святого,

И вкусивших благого слова Божия и сил будущего века,

Если они отпадут, опять обновлять покаянием, когда они снова распинают в себе Сына Божия и выставляют Его на открытый позор.

Земля, пившая многократно сходящий на неё дождь и произращающая злак, полезный тем, для которых и возделывается, получает благословение от Бога;

А производящая терния и волчцы — отвергается и близка к проклятию, которого конец — сожжение. [Перевод короля Иакова вместе с синодальным переводом— Пер.]

Билл ничего не понял. Он начал перелистывать страницы в поисках определённого стиха во 2-м Послании к Тимофею, который был у него на уме. Когда он оторвал руки от Библии, порыв ветра перелистал страницы, опять открыв 6-ю главу Послания к Евреям. “Как странно”, — подумал он.

Не пытался ли Бог сказать ему нечто посредством этого места Писания? Он заново прочитал 6-ю главу, но по-прежнему ничего не понял.

Подойдя к пещере, он пролез в отверстие и прошёл по узкому проходу до того места, где перевёрнутая известняковая пирамида висела над прямоугольным каменным столом. Билл встал на колени и начал молиться: “Господь, что значит 6-я глава к Евреям? Что Ты хочешь сказать мне?”

Вдруг его пальцы стали неметь, но не от прохлады в пещере. Это было то цепенящее ощущение, которое часто предшествовало появлению видений. Ему казалось, что руки и ноги отяжелели, а губы увеличились в размере, будто зубной врач только что сделал ему укол новокаина. Открыв глаза, Билл увидел перед собой земной шар, вращавшийся вокруг своей оси. Почва была похожа на свежеспаханное поле. Из-за горизонта этой вращавшейся планеты вышел человек в белой одежде, неся сбоку большой мешок. Через каждые пару шагов он доставал из мешка горсть семян и взмахом руки разбрасывал их по земле. Как только он исчез за горизонтом земли, Билл увидел другого человека — на этот раз в чёрном, — украдкой шедшего за первым. Этот второй человек также держал сбоку мешок и разбрасывал семена, идя на цыпочках по полю. Однако он то и дело смотрел из стороны в сторону, словно делал что-то плохое и боялся понапастся.

Когда этот человек в чёрном скрылся за линией земного шара, Билл увидел, что эти семена дали всходы и начали быстро расти, вытягиваясь во весь рост. Теперь стало ясно, какие это были семена: некоторые превратились в пшеницу, а другие — в заросли репейника, чертополоха и вонючих сорняков. Тут появилось солнце и начало иссушать поле, испаряя всю влагу из почвы. Как пшеница, так и сорняки свесили свои колоски, задыхаясь и отчаянно молясь о дожде. Эти растения всё ниже и ниже склонялись к иссушённой земле. Затем Билл увидел, что на горизонте надвигалась огромная тёмная туча. Когда дождь начал лить как из ведра, пшеница выпрямилась и стала восклицать: “Слава Богу! Хвала Господу!” В то же самое время выпрямились заросли репейника и зловонных сорняков и закричали: “Слава! Аллилуйя! Хвала Господу!” Внезапно весь земной шар ожил от раскачивавшихся под дождём растений, которые выкрикивали одно и то же: “Хвала Господу!”

На этом видение закончилось.

Билла переполняло воодушевление. Теперь-то он понял 6-ю главу Послания к Евреям: “Ибо невозможно — однажды... соделавшихся участниками Духа Святого... Если они отпадут, опять обновлять покаянием... Ибо земля, пившая многократно сходящий на неё дождь... получает благословение от Бога; А производящая терния и волчцы — отвергается...”

Это был ответ на его вопрос. Тот же самый дождь, который побуждает расти пшеницу, поливает репейник и вонючие сорняки. И тот же самый Святой Дух, благословляющий и питающий Христианина, может также благословлять лицемера. Дело лишь в том, что лицемер будет приносить совсем другой плод. Это всё зависело от посаженного семени.

Затем Билл стал думать о том, что сказал Иисус. *“Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, Да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных”*⁶⁹. В духовном всё происходило так же, как и в естественном. Это объяснило суть того, почему Иисус провозгласил: *“Многие скажут Мне в тот день: “Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?” И тогда объявлю им: “Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие”*⁷⁰. Даже если эти люди проявляли внешние знамения Божьей силы, их внутренние мотивы были неправильны или извращены.

Билл покинул пещеру, осознав, наконец, что внутри церкви действуют два духа, которые черпают свою жизнь из того же самого источника, но двигаются в совершенно противоположных направлениях. Точно как при прививке инородных ветвей к родственному дереву: они все будут получать свою жизнь из того же самого ствола. Таким образом, к апельсиновому дереву можно привить ветви лимона, лайма⁷¹ или грейпфрута. Все привитые ветви могут выглядеть так, как будто выросли из апельсинового дерева; однако, когда они будут плодоносить, лимонная ветвь принесёт лимоны, а лаймовая ветвь — лаймы. Подобным образом в Христианской церкви всегда будут люди, которые будут получать свою жизнь из ствола Святого Духа, но их плодами будут эгоистичные интересы, политика, самодовольное законничество или лицемерие, — что угодно, кроме плодов Святого Духа. Тем не менее, если бы этот родительский ствол когда-нибудь дал свой новый побег, то на этой ветви выросли бы апельсины. Иисус сказал в 15-й главе Евангелия от Иоанна: *“Я есмь Лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нём, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего”*. Апостол Павел писал: *“Плод же Духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера,*

---

⁶⁹ Матфея 5:44-45

⁷⁰ Матфея 7:22-23

⁷¹ Лайм — разновидность лимона; плоды в виде маленьких зелёных лимончиков. (Пер.)

кротость, воздержание”⁷². Иисус настойчиво утверждал: “По плодам их узнаете их”⁷³.

Теперь, когда Билл понял разницу между теми двумя мужчинами в Мишаваке, которые настолько впечатляюще демонстрировали дар иных языков и их истолкование, он стал более спокойно относиться к дарам Духа и внешним проявлениям эмоций. 31 декабря 1939 года он проводил ночное новогоднее служение в своей церкви, чтобы встретить 1940-й год. Он установил на платформе школьную доску и изображал на ней, насколько позволяли ему его способности, библейскую последовательность времён Второго Пришествия Христа. На его служение пришла группа пятидесятников, которые приехали из Луисвилла, находившегося на другом берегу реки. Когда Билл сделал перерыв во время учения, некоторые женщины из этой группы захотели исполнить несколько сольных песен. У них получился небольшой ансамбль: одна женщина играла на металлических тарелках, другая била по жестяным банкам, третья играла на стиральной доске, стуча по ней напёрстками на пальцах, а четвёртая брэнчала на пианино. Они играли мелодию быстрой песни, а собрание пело:

*Скоро близок тот час, свиданья сладкий час
В вышине на облаках.
Там я встречу тебя, ждёт встреча нас
В чудном доме в небесах.
Никто из людей не слышал таких песней,
Живит славу Он в полноте.
Сын Божий Сам Ведущим будет там,
На той встрече в высоте.*

В водовороте и грохоте музыки светловолосая девушка-подросток вскочила со своего места и начала плясать в проходе между рядами.

Билл сидел “на скамье критиков”, осуждая её в своём сердце и размышляя: “В этом вообще нет ничего Божьего. Она делает это просто для показухи. Она хочет, чтобы все на неё смотрели. Она делает из моей церкви забегаловку”.

К этой девушке присоединилась другая, затем ещё одна. Билл подумал: “Минуточку! Интересно, есть ли какие-нибудь места в Писании о пляске?” Он вспомнил о том, как Мариамъ, увидев потопленную в Красном море армию фараона, взяла в руку тимпан и стала плясать вдоль берега, ликуя о победе; а за ней вышли плясать дочери Израильские⁷⁴. Затем Билл вспомнил о том, как царь Давид, после возвращения ковчега завета в

---

⁷² Галатам 5:22-23

⁷³ Матфея 7:15-20

⁷⁴ Исход 15:20-21

Иерусалим, скакал изо всех сил перед Господом⁷⁵. Билл подумал: “Может быть, во мне нет ещё достаточно победы...” Итак, сидя на платформе, он позволил своей чопорной баптистской ноге топтать под музыку. Вскоре его нога ходила ходуном, а руки хлопали. Прежде чем музыка стихла, он уже был там, в проходе, танцуя в Духе с остальными.

Получив урок от этого переживания, Билл молился: “Боже, убери меня со скамьи критиков. С этих пор и впредь помоги мне смотреть на всё благоразумно, прежде чем я буду выносить окончательное решение”.

Это была простая молитва, однако одна из тех, которые ведут к перспективным последствиям. Он снова двигался по пути к своей цели.

Глава 24

ИСКРИВЛЁННЫЕ НОГИ ВЫПРЯМЛЯЮТСЯ

1940

КАК-ТО В ОДИН воскресный вечер, ранней весной 1940-го года, Уилльям Бранхам зашёл по пути из церкви в дом своей матери. Он сидел с ней за кухонным столом и беседовал допоздна. Четырёхлетний Билли Поль был оставлен на ночь в доме Меды Брой под её присмотром, поэтому Билл не спешил возвращаться домой. Когда он, наконец, поднялся, чтобы уходить, Элла сказала:

— Похоже, что на улице ужасно холодно. Билли, почему бы тебе не переночевать здесь, а?

На дворе свежий северный ветер бросал снег в оконные стёкла. Билл подумал о двух холодных комнатах, которые ожидали его дома.

— Конечно, мама, я переночую у тебя, — с радостью сказал он.

Придя в спальню для гостей, которую содержала его мать, Билл лёг на бок в постель и начал молиться. Весь тот день он ощущал невыразимое бремя, тяготившее его сердце, и теперь ему представилась возможность поговорить об этом со своим Небесным Отцом. Через час он уснул.

Проснулся он около двух часов ночи, по-прежнему ощущая то непонятное бремя, оказывавшее давление на его дух. Ободрённый сном, он встал на колени у кровати и продолжал молиться. Комната была настолько тёмной, что ему не нужно было закрывать глаза, чтобы сосредоточиться. Несколько мгновений спустя он заметил слабое белое свечение в одном из углов спальни. Сначала он подумал, что это было бельё его матери, сложенное на стуле, но по мере того, как он наблюдал, это свечение, казалось, начало двигаться, поднимаясь в воздух. Теперь оно больше напоминало белое облачко и, похоже, направлялось к нему.

В следующее мгновение его поглотила светящаяся дымка. Внезапно Билл оказался уже не в спальне, но где-то на улице. Перед ним стоял

---

⁷⁵ 2 Царств 6:12-15

небольшой, узкий дом, один из тех, которые он всегда называл “домиками-вагончиками”. Он прошёл через входную дверь и попал в комнату, представлявшую собой сочетание гостиной и спальни. Её стены были обшиты плотно подогнанной красной шалёвкой. Прямо перед ним через дверь открывался вид на кухню, которая в этом доме, также как и в его арендуемом домике, служила второй комнатой. Темноволосая женщина (ей было двадцать с небольшим) стояла, прислонив голову к кухонной двери, и рыдала. Слева от Билла плакала пожилая женщина, сидя в красном кресле с подушками. Она сняла очки и вытирала их своим носовым платком. Повернув голову вправо, Билл увидел молодого человека, сидевшего среди подушек на красном диване. Он повернулся лицом к окну, поэтому Билл мог видеть только его курчавые светлые волосы на затылке. В дальней части комнаты, слева от Билли, маленький мальчик с каштановыми волосами, одетый в вельветовый комбинезончик, лежал на животе посередине железной кровати с четырьмя столбиками. Мальчик был ужасно изуродован болезнью: его ноги были кривые, как штопоры, и прижаты к телу; руки, таким же образом, были скручены и загнуты к его боку. Высокий темноволосый мужчина, которого Билл принял за его отца, стоял возле кровати и смотрел на ребёнка.

“Разве не странно?” — подумал Билл. “Несколько мгновений назад я был дома у мамы, а теперь нахожусь здесь, в этом доме”.

Вскоре он ощутил необычайно сильное присутствие прямо за своим правым плечом. Билл пытался посмотреть на это, но нечто не позволяло ему повернуть голову. Затем он услышал тот же самый голос, который всегда говорил с ним в видениях.

— **Сможет ли этот ребёнок дальше жить?** — спросил Ангел.

— Господин, я не знаю, — ответил Билл.

Ангел сказал:

— **Попроси отца принести мальчика к тебе, чтобы ты мог помолиться за него, и он будет жить.**

Отец взял сына с кровати в свои объятия и понёс его к Биллу, который возложил свои руки на живот мальчика и начал молиться. К всеобщему удивлению, мальчик выпал из рук отца. Он ударился о пол левой ногой, которая выпрямилась и обрела нормальную форму. Он сразу же сделал ещё один шаг, после чего выпрямилась его правая нога. Когда он сделал третий шаг, его руки приобрели свой обычный вид. Тогда мальчик приложил свои ладошки к ладоням Билла и посмотрел ему в лицо. Светлый пушок покрывал верхнюю губу мальчика.

— Брат Билл, я полностью здоров, — сказал он.

— Что ж, хвала Господу! — ответил Билл.

Ангел, по-прежнему находившийся вне поля зрения за спиной Билла, сказал:

— Теперь я перенесу тебя в другое место.

Он подхватил Билла и перенёс его далеко, опустив на кладбище возле сельской церкви. Ангел указал на один из надгробных памятников и сказал:

— Запомни имя, фамилию и даты на этом памятнике. Это будет местом твоей ориентировки.

Затем он молниеносно перенёс Билла в другое место, где два магазина, бензозаправочная станция и несколько домов находились возле перекрёстка рядом друг с другом. У одного из магазинов была жёлтая витрина. Из него вышел мужчина в синем комбинезоне с нагрудником и с жёлтой вельветовой кепкой на голове. У него были белые усы. Ангел сказал:

— Он покажет тебе дорогу.

В очередной раз Билл был перенесён на другое место действия. Когда его ноги вновь коснулись земли, он уже шёл в дом за крупной молодой женщиной. Билл оказался в комнате, оклеенной жёлтыми обоями, на которых были красные узоры. Над дверью висела табличка с надписью “Да благословит Бог наш дом”. Слева у стены стояла деревянная печка, а с правой стороны, у стены, находилась бронзовая кровать с четырьмя столбиками. На простынях лежал подросток в пижаме, страдая от симптомов болезни, которая, возможно, была полиомиелитом: его искривлённые ноги были прижаты к телу, а одна рука была безнадежно иссохшей. Билл не мог определить, был ли это мальчик или девочка — с одной стороны, лицо выглядело мальчишеским, но длинные волосы и сердцевидные губы уверяли его в противоположном.

— Сможет ли этот человек ходить? — спросил Ангел.

— Господин, я не знаю, — ответил Билл.

— Пойди, возложи свои руки на живот этого человека и помолись, — повелел Ангел.

Когда Билл сделал всё согласно указаниям, именно в тот момент, когда та иссохшая рука полностью восстановилась, а те две искривлённые ноги выпрямились и окрепли, та особа в кровати закричала: “Хвала Господу!” Подросток сел в постели, в результате чего одна штанина пижамы поднялась, обнажив колено. Теперь Билл смог определить пол. Это не было узловато-костистое колено мальчика, но мягкое, круглое колено девочки. Билл услышал, как кто-то воскликнул возле него: “О-о, благодарение Богу!”

В отдалении он услышал, как кто-то ещё кричал: “О-о, Брат Бранхам! Брат Бранхам!”

Вдруг Билл снова оказался в доме своей матери, стоя на полу посередине спальни. Он встряхнул головой, ощущая замешательство и не понимая, где находится. Его мать окликнула его из соседней спальни:

— Билли, кто-то стучится в дверь и зовёт тебя на помощь.

— Я слышу, мама.

Он пошёл, спотыкаясь, по коридору и открыл входную дверь. У двери во весь рост стоял мужчина, едва не потерявший душевное равновесие; его глаза были опухшие и покрасневшие. Билл мгновенно узнал в нём человека из первой части видения, который уронил маленького мальчика на пол.

— Проходите, — приветливо сказал Билл. — Что случилось?

Мужчина зашёл в дом, чтобы укрыться от холодного ветра.

— Брат Бранхам, ты помнишь меня?

— Нет, думаю, что нет.

— Меня зовут Джон Химмел. Около четырёх лет тому назад ты крестил меня и мою семью здесь, в Паудэр-Плэйнс.

— Да, теперь я вспоминаю вас, — сказал Билл, в то время как смутные воспоминания начали проясняться в его разуме. — Вы убили человека несколько лет назад, не так ли?

— Да, сэр. Во время драки я ударил его кулаком и сломал ему шею. Я убегал от полиции, а также от Бога. В прошлом году мой старший сын умер от воспаления лёгких. У меня есть ещё один сын, и сейчас он умирает от двустороннего воспаления лёгких. Доктор только что уехал из моего дома, потому что он сделал всё, что было в его силах. Внезапно ты пришёл мне на память. Брат Бранхам, не мог бы ты приехать и помолиться за моего сына?

— Да, сэр, я смогу. Только мне нужно одеться и завести машину.

— Нет нужды брать твою машину; ты можешь ехать со мной, и я затем привезу тебя назад. Я живу примерно в 18 километрах отсюда, всего лишь в нескольких километрах севернее Ютики. Пока ты одеваешься, я схожу за Грэхемом Снеллингом. Он — мой двоюродный брат, и я хочу, чтобы он тоже помолился за моего сына.

Билл пошёл назад в свою комнату, чтобы взять одежду, и Элла окликнула его, когда он проходил мимо её двери:

— Билли, что случилось с этим человеком?

— Мама, что-то произошло. Я находился в видении несколько мгновений назад.

— О-о, на самом деле? — сказала она почти мимоходом. — Можешь ли чем-нибудь порадовать?

— Да. Сын этого мужчины будет исцелён. Я расскажу тебе об этом подробнее, когда вернусь.

Через десять минут Джон Химмел подъехал вместе со своим двоюродным братом. Билли был знаком с Грэхемом Снеллингом — молодым человеком приблизительно такого же возраста, который совсем недавно стал Христианином. Как только Билл сел в машину, он осознал,

что Грэхем был тот светловолосый мужчина, который в видении сидел на красном диване и смотрел в окно. Билл сторал от трепетного ожидания, зная, что Бог совершит чудо.

Они поехали по улице Ютика Пайк в северном направлении. Билл сказал:

— Мистер Химмел, ты живёшь в небольшом белом доме, не так ли?

— Да, сэр, это так.

— Твой дом стоит на холме, а входная дверь обращена к югу.

— Так точно.

— Он двухкомнатный. В одной из комнат стены до половины обшиты плотно подогнанными красными досками. Там у вас стоит красный диван, кресло и железная кровать со столбиками. Вашему больному мальчику около... Сказал бы, около трёх лет. У него каштановые волосы, и он носит синий вельветовый комбинезончик с нагрудником. У его матери чёрные волосы.

Джон Химмел уставился на своего пассажира, разинув рот от изумления.

— Брат Бранхам, неужели ты когда-нибудь был у меня дома?

— Когда ты постучался в мою дверь, я только что вышел из твоего дома.

Мужчина изменился в лице от замешательства.

— Странно... Я вовсе не видел тебя там.

— Я был там в духовной сфере. Мистер Химмел, поскольку я крестил тебя, тебе, возможно, приходилось слышать от меня о том, что иногда я вижу определённые вещи до того, как они происходят.

— Да, я припоминаю. Произошло ли с тобой нечто такое сейчас?

— Да. И что бы это ни было, что говорит мне об этих вещах, это никогда мне не солгало. Мистер Химмел, твой сын будет исцелён, когда мы приедем туда.

При этих словах Джон Химмел нажал на тормоза, остановил машину, упал грудью на руль и, закрыв лицо руками, выпалил: “Боже, я стыжусь самого себя. Если Ты простишь меня, я обещаю, что буду жить для Тебя всю оставшуюся жизнь”.

Когда они добрались до места назначения, дом выглядел именно так, как Билл видел его в видении. Он уверенно прошёл в дверь. Вот там находились тот красный диван и кресло, железная кровать со столбиками, молодая черноволосая мать и больной мальчик.

— Он ещё дышит? — спросил Джон свою жену.

Лёгкие мальчика двигались почти незаметно, поэтому мать приставила к носу ребёнка листок бумаги, чтобы проверить, дышал ли он.

— Да, он ещё живой, — сказала она, — но еле-еле.

Теперь Билл понял, что те ужасно искривлённые руки и ноги, которые он видел в видении, представляли воспаление лёгких, которое лишало этого маленького мальчика жизни.

— Принесите ребёнка ко мне, — повелел он.

Отец принёс сына и держал его на руках, пока Билл молился. Однако, вместо того, чтобы малышу стало лучше, его состояние внезапно ухудшилось. Это передвижение повредило его самочувствию. Теперь он подавился слюзью в горле и вообще перестал дышать. Родители в панике начали трясти своего сына и неоднократно хлопали его по спине, пока его лёгкие снова не наполнились воздухом. Но казалось, что каждый новый вздох мог оказаться для ребёнка последним: он кашлял, брызгался слюной и всячески старался выжить, иногда издавая слабый, нерешительный плач между вздохами.

“Что-то не в порядке”, — подумал Билл. Обведя глазами комнату, он осознал, в чём была проблема. Обстановка не полностью совпадала с той, которую он видел в видении. Мать не опиралась о кухонную дверь; Грэхем Снеллинг не сидел на диване, устремив взгляд в окно; к тому же, в красном кресле с подушками должна была сидеть пожилая женщина, вытирая свои очки.

В то время, как мать в отчаянии втирала лекарство под нос своему сынишке, Билл сидел на диване, еле живой от расстройства. Возбуждённый, он поспешил, опередив видение, и таким образом упустил Бога. Он даже не мог сказать семье Химмел, что было неверно. Единственное, что он мог сейчас делать, — это сидеть и ждать... и надеяться, что благодать Божья покроет его ошибку.

Полтора часа Билл сидел, пребывая в спокойствии и молитве, а ребёнок тем временем изо всех сил отчаянно старался выжить. Когда от первых лучей восходившего солнца краски горизонта стали приобретать мягкий оттенок, Грэхем Снеллинг сказал:

— Мне пора идти, потому что к восьми часам я должен быть на работе.

— Хорошо, — сказал Джон Химмел, — я отвезу тебя домой. Брат Бранхам, ты хочешь ехать с нами?

— Нет, я побуду здесь.

С упавшим сердцем Билл наблюдал, как оба мужчины надевали свои пальто у входной двери. Он знал, что Грэхем Снеллинг был тем светловолосым мужчиной из видения. Если Грэхем уедет сейчас, когда же он вернётся? Сегодня вечером? Согласно видению, ребёнок не сможет получить исцеление, если Грэхем не будет присутствовать там. Билли озадачил вопрос: как же этот малыш сможет прожить этот день?

Посмотрев в окно, Билл увидел, что по дорожке, по направлению к дому, шла пожилая женщина. Вдруг его осенило: она ведь в очках! Билл

подумал: “О Боже, как я Тебе благодарен! Но только бы эти двое мужчин сейчас не ушли”.

Джон Химмел застегнул последнюю пуговицу своего пальто, затем повернулся к жене и сказал:

— Я скоро вернусь. Сегодня я не пойду на работу.

Грэхем натягивал шапку на уши, как вдруг раздался стук в другом конце дома. Мать побежала через кухню открывать чёрный ход. Старушка быстро вошла внутрь, дрожа от холода.

— Кто там? — спросил Джон.

— Это мама, — ответила его жена, закрывая чёрный ход. — Мама, ты хоть немножко поспала?

— Пару часиков, — ответила пожилая женщина. — А как малыш? Стало ему хоть чуточку лучше с тех пор, как я ушла?

— Нет, — дрожащим голосом ответила молодая мать. — Мама, он умирает.

При этих словах она залилась слезами и, закрыв лицо руками, оперлась головой о кухонную дверь.

“Вот, то-то и оно!” — подумал Билл, и его возбуждение начало резко возрастать. “Это точь-в-точь, как она выглядела в видении. Теперь бабушка должна сидеть в этом кресле и вытирать свои очки, а Брату Снеллингу нужно сидеть здесь, где я сижу”.

Билл встал, чтобы уступить своё место. Грэхем Снеллинг снял шапку, сел на диван на то место, где только что сидел Билл, и начал смотреть в окно.

“О Боже”, — подумал Билл, — теперь должна произойти всего лишь одна вещь”.

Бабушка вошла в гостиную и села в красное кресло. Её очки запотели, — она ведь вошла из холодного двора в тёплую, влажную комнату, — поэтому, сняв их со своего носа, она начала их вытирать... в точности, как она это делала в видении.

В одно мгновение всё стало на свои места, и Билл ощутил то странное давление на своей коже, как будто кто-то или что-то мощное стояло возле него. Билл сказал:

— Брат Химмел, ты ещё доверяешь мне как слуге Христа?

— Конечно, Брат Бранхам.

— Тогда принеси ребёнка ко мне.

Родители оставили малыша в лежачем положении, потому что всякий раз, когда они его поднимали, его охватывал сильный приступ кашля, в результате чего дыхание полностью останавливалось. Теперь же, без малейшей тени сомнения или страха, отец подхватил своего сыночка и принёс его к Биллу.

Возложив свои руки на посиневшую кожу ребёнка, Билл начал молиться: “Небесный Отец, прости глупость Твоего слуги за то, что опередил видение. Исцели малыша во Имя Иисуса Христа”.

Мальчик зашевелился. Его посиневшие щёчки порозовели, а равнодушные глазки начали двигаться и затем сосредоточились.

— Папочка! О, папочка, папочка! — закричал он и обвил своими ручками шею отца.

Все присутствовавшие в комнате сразу же обратили внимание к ребёнку, и все задали тот же вопрос:

— С ним всё в порядке?

Мальчик сказал, что чувствует себя хорошо, но Билл добавил следующие слова:

— Мистер Химмел, это полностью оставит малыша через три дня, потому что в видении, прежде чем его конечности выпрямились, он сделал три шага.

Джон Химмел вовремя отвёз Грэхема и Билла назад в Джефферсонвилл, чтобы они оба не опоздали на работу.

В среду вечером Билл сообщил своему собранию об этом видении и исцелении, сказав:

— Я хочу, чтобы завтра днём вы пошли туда со мной и посмотрели через окна. Вот увидите: этот маленький мальчик со светлым пушком на верхней губе подойдёт ко мне. Он приложит свои ручки к моим ладоням и скажет: “Брат Билл, я совсем здоров”.

В четверг днём все члены церкви поехали за Биллом к тому двухкомнатному “дому-вагончику” в сельской местности. Многие столпились у окон, а другие стояли за спиной Билла, когда он постучал во входную дверь. Мать была занята работой по кухне в другом конце дома. Билл слышал, как она побежала по деревянному полу открывать.

— О-о, это ты, Брат Билл. Проходи, пожалуйста, и посмотри, какая перемена произошла в нашем сыночке сейчас.

Билл вошёл, не сказав ни слова. Дверь кухни была открыта, и он видел мальчика, игравшего с кубиками в углу. Ребёнок встал и начал, ковыляя, идти. Его верхнюю губку украшал светлый пушок. Он приложил свои ручки к ладоням Билла и сказал:

— Брат Билл, я совсем здоров.

Во время следующего служения в церкви Билл рассказал оставшуюся часть видения: о девочке с одной сухой рукой и искривлёнными ногами, которая будет исцелена. Он подчеркнул:

— Я не знаю, что всё это значит. Я просто могу рассказать вам то, что вижу.

Спустя две недели, когда Билл пришёл утром на работу, мистер Скотт, его бригадир, сказал:

— Тебе пришло письмо, Билли. Я положил его в твой ящик.

Собирая свои рабочие документы с заданиями на этот день, Билл обратил внимание на обратный адрес письма. Оно пришло от миссис Харольд Нэйл из Саут-Бостона⁷⁶, штат Индиана. Ему никогда не приходилось слышать о местности под названием Саут-Бостон в Индиане.

Вскрыв конверт и развернув письмо, он прочитал следующее:

Уважаемый мистер Бранхам,

*Меня зовут миссис Харольд Нэйл. Я живу в Саут-Бостоне, Индиана. У меня есть дочь-подросток, она калека и прикована болезнью к постели. Артрит поразил её суставы, и теперь она кричит днём и ночью от боли. Я методистка. Во время молитвенного собрания несколько недель назад... [Биллу стало не по себе, когда он увидел дату. Это произошло в тот же вечер, когда он увидел видение, в котором девочка-калека исцелилась.] ... кто-то дал мне вашу брошюру под названием **“Иисус Христос вчера, сегодня и вовеки Тот же”**. Когда я прочитала вашу книжку, нечто тронуло моё сердце и побудило меня написать и попросить вас, чтобы вы приехали помолиться за мою дочь.*

С искренним уважением, Миссис Харольд Нэйл

Тем вечером в церкви, напомнив собравшимся о своём видении, Билл прочитал это письмо.

— Я уверен, что именно эту девочку я видел в видении, но я никогда не слышал об этой местности. Кто-нибудь здесь знает, где находится Саут-Бостон?

— Брат Бранхам, я думаю, что это как раз на юге от Нью-Олбани, — сказал Джордж Райт. **(Фото №28)**

Несколько людей изъявили желание поехать с Биллом, чтобы увидеть исполнение видения: старший дьякон Билла Джим Уайзхарт, 21-летняя Меда Брой и мистер Брэйс со своей супругой. Эта чета недавно переехала в эту местность, чтобы жить поближе к Скинии Бранхама, после того, как миссис Брэйс была сверхъестественным образом исцелена от туберкулёза благодаря молитве Билла. В те выходные, когда они все гурьбой влезли в машину Билла, он дал миссис Брэйс листок бумаги, на котором были написаны какие-то две даты и имя с фамилией.

— Зачем это?

— Где-то по пути мы увидим кладбище, и вы найдёте эту надпись на одном из надгробных памятников.

— Я думала, что ты сказал, что никогда раньше не был в Саут-Бостоне?

— Да, я никогда там не был. Эти даты показал мне Ангел Господень. Когда мы увидим их, будем знать, что мы на правильном пути.

---

⁷⁶ Дословно: Южный Бостон (Пер.)

Они поехали на юг и, к сожалению, обнаружили, что Джордж Райт имел в виду город под названием Нью-Бостон⁷⁷, а не Саут-Бостон. Они спросили на почте и узнали, что Саут-Бостон — это посёлок на севере от Джефферсонвилла, чуть выше Генривилла. Ещё раз уточнив, как добраться туда, они получили общие указания.

Они проехали 10 километров по грязной извилистой дороге, минув небольшие фермы, кукурузные поля, лесистые холмы и заросли сассафраса⁷⁸. Боковые дороги (а может быть, они были главными дорогами?) часто ответвлялись, отчего им было трудно сориентироваться, ехали ли они по-прежнему в правильном направлении или нет. Вдруг нечто обьяло дух Билла с такой силой, что у него перехватило дыхание. Он свернул на обочину и остановил машину.

— Что случилось? — спросил Джим Уайзхарт.

Билл подрагивал, и по его виску текли капли пота.

— Не знаю. Что-то не в порядке. Мне нужно уединиться на несколько минут.

Он вышел и начал ходить позади машины. Поставив одну ногу на задний бампер, он стал молиться: “Небесный Отец, что Ты хочешь сообщить Своему слуге?” Прохладный весенний воздух был живительным, и вскоре ощущение давления на его лёгкие и горло исчезло. Оглядываясь кругом, Билл заметил церковь вдали от дороги. Возле этой старой церкви находилось небольшое сельское кладбище.

— Брат Брэйс, принеси мне тот листок бумаги! — возбуждённо закричал он.

Все вылезли из машины и пошли за Биллом к кладбищу. Сразу за оградой стоял большой мраморный памятник. Имя, фамилия и даты, выгравированные на его гладкой белой поверхности, полностью совпали с теми, что были написаны на листке в руке мистера Брэйса.

— Я никогда раньше не был в этой местности, — сказал Билл, — но я знаю, что мы на правильном пути. Это Ангел Господень остановил меня. Он не хотел, чтобы я пропустил этот ориентир.

Проехав 11 километров, они оказались у холма, и их взору открылся вид на деревушку у перекрёстка.

— Вот это место, — сказал Билл. — А вон там жёлтая витрина. Вот увидите: когда мы подъедем туда, из магазина выйдет мужчина с белыми усами и даст нам указания, как ехать дальше. На нём будет синий комбинезон с нагрудником и жёлтая вельветовая кепка. Подождите и увидите своими глазами.

Миссис Брэйс сказала:

---

⁷⁷ Дословно: Новый Бостон (Пер.)

⁷⁸ Сассафрас — американский лавр (Пер.)

— Брат Бранхам, я ещё не пришла в себя от того надгробного памятника. Мне никогда раньше не приходилось видеть, чтобы такое происходило. Если этот мужчина появится так, как ты говоришь, то я не знаю, что буду делать.

— Если он не появится, — сказал Билл, — тогда я самый настоящий лгун.

Когда машина замедлила ход, чтобы остановиться на перекрёстке, входная дверь магазина открылась, и оттуда вышел мужчина: с белыми усами, в синем комбинезоне с нагрудником, с жёлтой вельветовой кепкой на голове и так далее. Миссис Брэйс, сидя на коленях своего мужа, тут же лишилась чувств...

Билл продолжал:

— Теперь смотрите: он будет вести себя очень странно, потому что сила Господня настолько близко.

Открыв своё окно, Билл сказал:

— Сэр, вы должны сказать мне, где живёт Харольд Нэйл.

Сначала мужчина, казалось, был удивлён, но затем, когда он начал говорить, его глаза стали бегать взад и вперёд, будто он нервничал.

— Проедьте по этой дороге около километра и затем поверните на первую дорогу налево. Это будет второй дом по левой стороне. На холме увидите большой красный амбар. А в чём дело?

— У него есть дочь-калека, не так ли?

— Да. Ну и что?

— Господь Иисус её исцелит.

Билл продолжал путь от Саут-Бостона, придерживаясь указаний того мужчины, в то время как на заднем сидении мистер Брэйс растирал лицо своей жене. Миссис Брэйс пришла в себя только тогда, когда они подъезжали к дому семьи Нэйл. Билл остановил машину во дворе, и все вышли. Крупная женщина открыла дверь своего дома.

— Здравствуйте. Я — Брат Бранхам.

— Я так и подумала. Я — миссис Харольд Нэйл, та самая, кто прислала вам то письмо.

— Рад встретиться с вами, миссис Нэйл. Эти люди приехали со мной, чтобы помолиться за вашу дочь. Она будет исцелена.

— Что? — сказала женщина и настежь распахнула дверь. — Пожалуйста, проходите.

Войдя внутрь, Билл не стал дожидаться миссис Нейл, чтобы она проводила его: он уверенной походкой направился по коридору к спальне девочки. Остальные шли за ним почти по пятам. Комната, в которую они вошли, совершенным образом соответствовала видению: там стояла дровяная печка, стена была оклеена жёлтыми обоями с красными узорами; над дверью висела табличка с надписью *“Да благословит Бог наш дом”*;

там же была бронзовая кровать с четырьмя столбиками, а на ней, на покрывалах, лежала та девочка-калека с мальчишескими чертами лица. Одна её рука была иссохшей, а искривлённые ноги были поджаты под её туловище.

Увидев комнату и девочку именно в том виде, как описал их Билл, миссис Брэйс снова потеряла сознание. Её муж подбежал к ней и приподнял её, слегка похлопывая её по лицу в попытке привести её в чувство.

В это мгновение произошло нечто, чего впоследствии Билл так и не смог объяснить. Казалось, будто его дух отделился от его тела и плавно понёсся, повиснув сбоку над всей группой присутствовавших. Перед ним раскрылся как бы вид “с птичьего полёта”, и он видел, как он сам (или, по крайней мере, его тело) собственной персоной пошёл по полу к кровати, говоря: “Сестра, ТАК ГОВОРИТ ГОСПОДЬ: “Ты будешь исцелена””. Он смотрел на самого себя и видел, как возлагал свои руки на живот девочки, — точь-в-точь как он сделал это в видении. Затем его дух снова вошёл в его тело. Его глаза были закрыты, и он молился: “Господь, я совершаю это, веруя, что это является Твоим повелением”.

Девочка закричала. Билл открыл глаза и увидел, что её иссохшая рука теперь обрела нормальный вид. В неистовом возбуждении девочка использовала только что восстановленную руку, чтобы подняться с постели. Её ноги выпрямились, в результате чего одна из штанин пижамы высоко закаталась и обнажила её круглое колено. Видение исполнилось в точности.

Мистер Брэйс привёл свою жену в чувство, так что она могла держаться на ногах. Девочка, только что прикованная болезнью к постели, пронзительно закричала:

— Мама! Мама!

Она качала обеими ногами, сидя на краю кровати, затем опустила их на пол и встала. Миссис Брэйс мельком взглянула на происшедшее чудо и снова потеряла сознание, упав на руки своему мужу.

Некоторое время спустя, когда они все ожидали в гостиной, внезапно вышла эта девочка-подросток, идя на двух совершенно здоровых ногах и расчёсывая свои волосы рукой, которая в течение многих лет была иссохшей и ни к чему не пригодной. В этот раз миссис Брэйс смогла взять себя в руки.

www.Branham.ru